

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Общая психология / Психология личности / Психофизиология / Педагогическая психология / Социальная психология / Возрастная психология / Коррекционная психология / Дефектология / Общая педагогика

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Рецензируемый научный журнал

eISSN 2658–7165

Издается с 2017 года

Периодичность – 6 выпусков в год

DOI: 10.23947/2658-7165

Учредитель и издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Целью журнала является содействие распространению нового и актуального научного знания в области психологии, педагогики, дефектологии путем публикации научных работ, выполненных и подготовленных к публикации в соответствии с международными издательскими стандартами.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по следующим научным специальностям:

- 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (биологические науки)
- 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
- 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)
- 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки)
- 5.3.8 – Коррекционная психология и дефектология (психологические науки)
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Регистрация:

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 71604 от 13 ноября 2017 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Индексация и архивация:

РИНЦ, CyberLeninka

Сайт:

<https://inov-ppd.ru>

Адрес редакции:

344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

E-mail:

inovppd@gmail.com

Телефон:

+ 7 (908) 506–19–06

Дата выхода

30.04.2025

№ 2, 2025 в свет:

Innovative science: psychology, pedagogy, defectology

Peer-reviewed scientific journal

eISSN 2658–7165

Published since 2017

Periodicity – 6 issues per year

DOI: 10.23947/2658-7165

Founder and Publisher – Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

The purpose of the journal lies in the contribution to improving the quality of scientific research in the fields of psychology, psycholinguistics, pedagogy, and defectology. Our impact is made by publishing scientific works, written and prepared in accordance with international standards.

The journal is included in the List of the leading peer-reviewed scientific publications (Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation), where basic scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Science in scientific specialties and their respective branches of science should be published.

The journal publishes articles in the following fields of science:

- General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences)
- Psychophysiology (psychological sciences)
- Psychophysiology (biological sciences)
- Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences)
- Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences)
- Age psychology (psychological sciences)
- Correctional Psychology and Defectology (psychological sciences)
- General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

<i>Registration:</i>	Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77 – 71604 dated 13 November, 2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
<i>Indexing and Archiving:</i>	RISC, CyberLeninka
<i>Website:</i>	https://inov-ppd.ru
<i>Address of the Editorial Office:</i>	1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
<i>E-mail:</i>	inovppd@gmail.com
<i>Telephone:</i>	+ 7 (908) 506–19–06
<i>Date of publication No. 2, 2025:</i>	30.04.2025

Главный редактор, Ирина Владимировна Абакумова, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора, Павел Николаевич Ермаков, доктор биологических наук, профессор, академик РАО, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Редакционный совет

Алла Константиновна Белоусова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Валерий Павлович Белянин, доктор филологических наук, профессор, Университет Торонто (Торонто, Канада);

Ася Суреновна Берберян, доктор психологических наук, профессор, Российско-армянский (славянский) университет (Ереван, Армения);

Марина Блувштейн, доктор философских наук, профессор, Центр адлериянской практики и исследований в Университете Адлера (Чикаго, США);

Евгений Федорович Бороховский, доктор психологических наук, доцент, университет Конкордия (Конкордия, Канада);

Владимир Пантелеймонович Борисенков, доктор педагогических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Ольга Владимировна Гукаленко, доктор педагогических наук, профессор, Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Российская Федерация);

Юрий Петрович Зинченко, доктор психологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Лазарь Стошич, доктор технических наук, профессор, университет UNION Nikola Tesla (Белград, Сербия).

Редакционная коллегия

Валентина Владимировна Абраухова, доктор педагогических наук, профессор Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Виталий Вадимович Бабенко, доктор биологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Зинаида Игоревна Березина, доктор психологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Вера Александровна Лабунская, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Викторовна Воробьева, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Ивановна Власова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Максим Николаевич Дмитриев, кандидат медицинских наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Александр Викторович Дятлов, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Надежда Федоровна Ефремова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лаура Цраевна Кагермазова, доктор психологических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический университет (Грозный, Российская Федерация);

Анатолий Викторович Карпов, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Ярославль, Российская Федерация);

Ирина Александровна Кибальченко, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Михайловна Кобрина, доктор педагогических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Анжелика Ильинична Лучинкина, доктор психологических наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация);

Татьяна Викторовна Лисовская, доктор педагогических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск, Белоруссия);

Наталья Александровна Лызь, доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Евгений Ефимович Несмеянов, доктор философских наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Савельевна Мавропуло, кандидат педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Александровна Макарова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Валерьевна Муругова, доктор филологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Марина Леонидовна Скуратовская, доктор педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Дмитриевна Федотова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Александровна Цветкова, доктор психологических наук, доцент, Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Любовь Яковлевна Хоронько, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Николаевна Щербакова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Выпускающий редактор, Евгений Александрович Проненко, кандидат психологических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ответственный секретарь, Диана Валерьевна Запорожец, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Переводчик, Влада Романовна Старыгина;

Литературный редактор, Маргарита Евгеньевна Беликова, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Editor-in-Chief, Irina V. Abakumova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Deputy Editor-in-Chief, Pavel N. Ermakov, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Editorial Board

Alla K. Belousova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Valery P. Belyanin, Dr.Sci. (Philology), Professor, University of Toronto (Toronto, Canada);

Asya S. Berberyan, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Russian Federationn-Armenian University (Yerevan, Armenia);

Marina Bluvstein, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Center for Adlerian Practice and Research at Adler University (Chicago, USA);

Evgeny F. Borokhovskiy, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Concordia University (Concordia, Canada);

Vladimir P. Borisenkov, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Olga V. Gukalenko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Institute for Education Development Strategy of the Russian Federationn Academy of Education (Moscow, Russian Federation);

Yuri P. Zinchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Lazar Stosic, Dr.Sci., Professor, Faculty of Management, Sremski Karlovci, University UNION Nikola Tesla, (Belgrade, Serbia).

Editorial Board

Valentina V. Abraukhova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vitaly V. Babenko, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Zinaida I. Berezina, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vera A. Labunskaya, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Vorobyeva, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana I. Vlasova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Maxim N. Dmitriev, Cand.Sci. (Medicine), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Alexander V. Dyatlov, Dr.Sci. (Sociology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Nadezhda F. Efremova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Laura T. Kagermazova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation);

Anatoly V. Karpov, Dr.Sci. (Psychology), Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation);

Irina A. Kibalchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa M. Kobrina, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg, Russian Federation);

Angelika I. Luchinkina, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov (Simferopol, Russian Federation);

Tatiana V. Lisovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank (Minsk, Belarus);

Natalia A. Lyz, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Evgeny Ye. Nesmeyanov, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga S. Mavropulo, Cand.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena A. Makarova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Murugova, Dr.Sci. (Philology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vlada I. Pischik, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Marina L. Skuratovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga D. Fedotova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa A. Tsvetkova, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

Lyubov Ya. Khoronko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana N. Shcherbakova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Executive Editor, Evgeny A. Pronenko, Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Responsible secretaries, Diana V. Zaporozhets, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Translator, Vlada R. Starygina;

Literary editor, Margarita E. Belikova, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Содержание

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

- Субъективное благополучие детей младшего школьного возраста
сквозь призму семейных отношений 9**
Лаура Ц. Кагермазова, Светлана В. Велиева

КОРРЕКЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

- Стили воспитания родителей в семьях детей с ограниченными
возможностями здоровья 18**
Мария В. Залужная, Елена А. Байер

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Анализ качества жизни как способ оценки
детско-родительских отношений 31**
Александр Ю. Соснин
- Особенности взаимосвязи психологического благополучия
и социальной тревожности у медицинских работников 40**
Татьяна П. Маралова

Contents

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

- Subjective Well-Being of Primary School Children Through the Prism
of Family Relations 9**
Laura C. Kagermazova, Svetlana V. Velieva

CORRECTIONAL PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

- Parenting Styles in Families of Children with Disabilities 18**
Maria V. Zaluzhnaya, Elena A. Bayer

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- Quality of Life Analysis as a Way to Assess Child-Parent Relationships 31**
Alexander Y. Sosnin
- Features of The Relationship Between Psychological Well-Being
and Social Anxiety in Medical Workers 40**
Tatiana P. Maralova

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

УДК 159.99

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-9-17>

AJEODG

Субъективное благополучие детей младшего школьного возраста сквозь призму семейных отношений

Лаура Ц. Кагермазова¹ , Светлана В. Велиева²

¹ Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, Российская Федерация

² Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ laura07@yandex.ru

Аннотация

Введение. Регуляция жизнедеятельности детей младшего школьного возраста, как и их развитие, в данном периоде по-прежнему зависит от родителей, несмотря на наличие нового референтного взрослого – учителя. Именно в процессе взаимодействия «родитель-ребенок» закладывается фундамент дальнейшего субъективного и психологического благополучия ребенка, что обуславливает необходимость изучения данной темы.

Цель. Детализация представлений о влиянии семьи на субъективное благополучие детей младшего школьного возраста.

Субъективное и психологическое благополучие младших школьников. Субъективное благополучие детей младшего школьного возраста является сложным предметом изучения в связи с несформированностью личности в данном возрастном периоде. Однако, современные исследования, все же косвенно охватывают предметное поле генеза субъективного благополучия детей, в том числе психологическое благополучие в младшем школьном возрасте. Факторы психологического благополучия ребенка младшего школьного возраста связаны с эмоциональным, психологическим и психосоциальным развитием ребенка. Однако, немаловажную роль в психологическом благополучии младших школьников играет семейное окружение, а особенно – родители.

Аспекты семейных отношений, затрагивающие субъективное благополучие младших школьников. Субъективное благополучие детей младшего школьного возраста тесно взаимосвязано с социальным статусом семьи, психологическим и субъективным благополучием родителей, их эмоциональной зрелостью и психологической компетентностью. В системе «родитель – ребенок», на субъективное благополучие благотворно влияет доверие в отношениях, надежный тип привязанности, тогда как тревожный или избегающий типы приводят к дезадаптации в социальных отношениях и эмоциональной сфере ребенка. Важную роль в поддержании благополучия детей играют взаимоотношения между родителями: субъективное благополучие младшего школьника снижается вследствие переживания развода родителей. Вектор развития субъективного благополучия ребенка в замещающей семье смещается, акцентируя внимание на его интеграцию в новую среду, формирование ощущения принятия и понимания.

Обсуждение результатов. Анализ, проведенный в изучаемом предметном поле, позволил детализировать влияние семьи на субъективное благополучие детей младшего школьного возраста. В результате выделены основные аспекты семейной сферы, вносящие вклад в развитие субъективного благополучия, связанных с ним качеств и навыков.

Ключевые слова: субъективное благополучие, психологическое благополучие, младший школьный возраст, детско-родительские отношения, внутрисемейные отношения

Для цитирования. Кагермазова, Л. Ц., и Велиева, С. В. (2025). Субъективное благополучие детей младшего школьного возраста сквозь призму семейных отношений. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(2), 9–17. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-9-17>

Subjective Well-Being of Primary School Children Through the Prism of Family Relations

Laura C. Kagermazova¹ , Svetlana V. Velieva²

¹ Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russian Federation

² Chuvash State Pedagogical University named after I. Y. Yakovlev. I Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

✉ laura07@yandex.ru

Abstract

Introduction. The regulation of life activity of children of primary school age, as well as their development, in this period still depends on parents, despite the presence of a new reference adult – the teacher. It is in the process of “parent-child” interaction that the foundation of further subjective and psychological well-being of the child is laid, which makes it necessary to study this topic.

Objective. Detailed understanding of the influence of family on the subjective well-being of primary school children.

Subjective and psychological well-being of junior schoolchildren. Subjective well-being of primary school children is a difficult subject of study due to the unformed personality in this age period. However, modern studies, still indirectly cover the subject field of genesis of subjective well-being children, including psychological well-being in the younger school age. The factors of psychological well-being of a child of primary school age are related to the emotional, psychological and psychosocial development of the child. However, an important role in the psychological well-being of junior schoolchildren is played by the family environment, and especially by parents.

Aspects of family relations affecting the subjective well-being of junior schoolchildren. Subjective well-being of primary school children is closely interrelated with the social status of the family, psychological and subjective well-being of parents, their emotional maturity and psychological competence. In the system “parent-child”, subjective well-being is favorably influenced by trust in relationships, reliable type of attachment, while anxious or avoidant types lead to maladaptation in social relationships and emotional sphere of the child. An important role in maintaining children’s well-being is played by the relationship between parents: the subjective well-being of a junior schoolchild is reduced due to the experience of parental divorce. The vector of development of a child’s subjective well-being in a substitute family shifts, emphasizing his/her integration into a new environment, formation of a sense of acceptance and understanding.

Discussion. The analysis carried out in the studied subject field allowed to detail the influence of the family on the subjective well-being of primary school children. As a result, the main aspects of the family sphere contributing to the development of subjective well-being, related qualities and skills were highlighted.

Keywords: subjective well-being, psychological well-being, junior school age, child-parent relations, intra-family relations

For Citation. Kagermazova, L. C. & Velieva, S. V. (2025). Subjective well-being of primary school children through the prism of family relations. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(2), 9–17. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-9-17>

Введение

Младший школьный возраст является достаточно сензитивным периодом с точки зрения влияния окружающей обстановки и социума на поведенческую и психологическую сферы. В этом возрасте у ребенка появляются новые типы отношений как со сверстниками, так и со взрослыми. И хотя референтной фигурой для ребенка в этом возрасте считается учитель (Вихман и др., 2022), родители все также остаются для него значимыми взрослыми, которые регулируют его жизнедеятельность и в значительной степени влияют на его психологическое состояние и благополучие (Newland et al., 2013). Они также могут напрямую оказывать влияние на его академическую успешность посредством воспитательных мероприятий и интенсивного участия в школьной среде, что обеспечивает более эффективное развитие ребенка в младших классах (Тома и др., 2019).

Субъективное благополучие является сложным конструктом, который включает в себя психологические, социальные и физические аспекты. В младшем школьном возрасте, на наш взгляд, его уровень как в настоящем, так и в будущем, тесно взаимосвязан с семейными отношениями и проявлениями родителей по отношению к ребенку. Так, например, формирование отношения к здоровью, которое также является компонентом субъективного благополучия, напрямую связано с отношением к здоровью у родителей (Камакина, 2022). В связи с этим, цель данного исследования заключается в детализации представлений о влиянии семьи на субъективное благополучие детей младшего школьного возраста.

Субъективное и психологическое благополучие младших школьников

Один из самых актуальных феноменов в современной социальной психологии – переживание субъективного благополучия. Оно было введено в 1970-е гг. профессором Э. Динером (subjective well-being) для обозначения обобщенной субъективной когнитивной и эмоциональной оценки меры счастья, опираясь на положение о том,

что счастье и благополучие могут быть измерены исключительно с помощью субъективных ощущений, но не внешними факторами (Diener, 2009). При этом, содержательная структура субъективного благополучия, предложенная Э. Динером, такова: удовлетворение, комплекс приятных эмоций (pleasant affect) и комплекс неприятных эмоций (unpleasant affect) (Ященко, 2020). Кроме того, когнитивная оценка отражает степень удовлетворенности жизнью, а эмоциональная относится к реакции на положительные и отрицательные эмоции, которые также могут быть описаны как счастливые и доставляющие удовольствие переживания (Pham, 2023).

Д. А. Леонтьев рассматривает субъективное благополучие с точки зрения его функциональности. Он называет данный феномен «обобщенным сигналом обратной связи», подразумевая, что данное ощущение дает оценку жизни в целом, а эмоции в данном контексте являются более локальным откликом (Леонтьев, 2020). При этом Т. Е. Черчес вносит важное дополнение ко всем этим определениям: она пишет, что та оценка жизни, которая называется субъективным благополучием, производится с точки зрения вершины потенциальных возможностей человека (Черчес, 2023). Е. В. Кончакова в своей работе определяет понятие «субъективное благополучие» как интегративный личностный конструкт, отражающий отношение и аффективно насыщенную оценку личностью разных сторон своей жизни на фоне преимущественно положительного фона настроения (Кончакова, 2022). Это вносит ещё один вклад в понимание субъективного благополучия в мировой психологической науке, поскольку подчеркивается необходимость именно позитивных эмоций. М. Р. Асадуллин, говоря об изучении структуры субъективного благополучия, считает важным в первую очередь учитывать единство трех «Я» – структурных компонентов личности, выделяемых в психологии, таких как физическое, психологическое и социальное «Я» (Асадуллин, 2022). Неразрывность этих компонентов обеспечивает такие свойства личности, как устойчивость и целостность. В то же время, традиционно такие же структурные компоненты выделяются и в субъективном благополучии (Асадуллин, 2022).

Принимая во внимание эти определения можно сказать, что изучение субъективного благополучия у младших школьников не вполне валидно, поскольку в этом возрасте личность еще не сформирована до конца, а лишь проходит один из этапов своего формирования. Однако в научном поле мы уже можем обнаружить эмпирические исследования, направленные на изучение компонентов субъективного благополучия младших школьников, преимущественно психологического и физического. Так, например, широко освещены факторы, взаимосвязанные с психологическим благополучием детей младшего школьного возраста, которые также являются частью как психосоциального, так и эмоционального развития ребенка. Сам феномен психологического благополучия имеет обширную структуру, в которую входит удовлетворенность жизнью, оптимизм, развитие способностей и обладание хобби, стабильность настроения, самооценка (Wita et al., 2023), креативность (Adiwirandi et al., 2023), выявление и принятие сильных и слабых сторон (Derang et al., 2023). Все эти факторы применимы как для взрослого, так и для младшего школьника, однако, некоторые авторы в качестве критериев психологического благополучия детей младшего школьного возраста выделяют следующие (Wita et al., 2023):

- способность к адаптации и самопониманию;
- социальные навыки и стили взаимодействия с различными социальными группами, референтными для данного возрастного периода (семья, учителя, сверстники);
- счастье;
- саморегуляция;
- эмоциональное равновесие.

Учет всех этих факторов необходим для выстраивания стратегии здорового психологического развития младших школьников. Психологическое благополучие детей младшего школьного возраста заслуживает особого внимания, поскольку поддержание его высокого уровня обеспечивает не только счастье самого ребенка, но и успешное выполнение обязанностей педагога в процессе его академического развития (Nasihah & Djuwita, 2021). Дело в том, что младший школьный возраст представляет собой очень важный этап развития с точки зрения формирования не только личности, навыков социального взаимодействия, но и дальнейшего стиля обучения и поведения в стрессовых ситуациях. Так, предстоящий переход в среднюю школу является для детей стрессором в связи с необходимостью достичь определенного уровня знаний и навыков. В связи с этим психологическое благополучие, включающее в себя также и эмоциональную устойчивость, оказывает влияние на восприятие и исследование окружающего мира младшими школьниками в целом, а также на способы совладания со стрессом и тревогой, связанными с повседневными задачами и проблемами (Wita et al., 2023). При этом оно также взаимосвязано с переживанием комфорта в образовательном процессе, включенностью ребенка в ход занятия, контролем эмоций, саморегуляцией, психическим здоровьем в целом (Manurung & Aritonang, 2023), оптимизмом и принятием своих сильных и слабых сторон (Amawidyati & Utami, 2020).

Также младший школьный возраст сопровождается усложнением социального взаимодействия как со сверстниками, так и со значимыми взрослыми. В данном периоде происходит новый виток развития коммуникативных навыков, ребенок учится выполнять задачи в группах, строить отношения со сверстниками в новой среде без посредничества родителей и взаимодействовать с другими взрослыми по новым правилам. Однако семейное

окружение все также играет большую роль в субъективном и психологическом благополучии ребенка, обеспечивая его здоровое психологическое развитие (Gassman-Pines et al., 2020).

Аспекты семейных отношений, затрагивающие субъективное благополучие младших школьников

В контексте изучения субъективного благополучия детей младшего школьного возраста фактор семьи рассматривается в первую очередь с точки зрения социального статуса. При этом современные исследователи не так однозначны в вопросе влияния социального статуса семьи на благополучие ребенка, как это могло бы показаться на первый взгляд. В данном предметном поле принято связывать низкий уровень субъективного благополучия с низким уровнем социального статуса родителей (Платонова, 2017). Здесь среди факторов влияния можно выделить асоциальное поведение родителей или хотя бы одного из них, низкий уровень материального обеспечения, наличие алкогольной или наркотической зависимости у членов семьи, жестокое обращение с ребенком в семье. Эти явления могут повлечь за собой не только снижение психологического благополучия ребенка, но и ухудшение его физического состояния. Так, помимо снижения уровня счастья младшего школьника, нарушения эмоционального равновесия вследствие стресса и невозможности полного включения ребенка в образовательный процесс, низкий социальный статус семьи препятствует получению качественной медицинской помощи и восполнению дефицитов ресурсов, необходимых для оптимальной ежедневной деятельности (Камакина, 2022). Масштабное исследование субъективного благополучия более пяти тысяч младших школьников из Великобритании продемонстрировало влияние низкого социального статуса семьи и неблагополучия матери его уровень (Parkes et al., 2016).

Однако высокий социальный статус семьи также не гарантирует высокого уровня субъективного благополучия ребенка, поскольку он также зависит от восприятия детьми окружающего мира и особенностей их личности, а не только от объективной реальности. Так, при высоком социальном статусе родителей снижение субъективного благополучия ребенка может происходить вследствие гиперопеки (Платонова, 2017) или, напротив, высокой занятости родителей. Последняя, в свою очередь, создает дефициты их внимательного отношения и эмоционального общения с ребенком, что влечет за собой переживание им состояния одиночества (Камакина, 2022). Гиперопекающие родители часто авторитарны и подозрительны, что усиливает тревожность ребенка и создает трудности в его коммуникации со сверстниками (Куфтык и Задорова, 2019).

Поскольку родители по-прежнему являются значимыми взрослыми для детей младшего школьного возраста и оказывают значительное влияние на их образ жизни и поведение, немаловажными являются вопросы об их психологическом благополучии и компетентности в педагогике и психологии развития (Овчарова, 2006). Эти факторы закладывают фундамент для хорошего психического здоровья и высокого уровня психологического благополучия именно в младшем школьном возрасте (Huppert, 2009). Например, современные исследователи обращают внимание на взаимосвязь благополучия младших школьников с субъективным благополучием родителей, а именно – с их эмоциональной зрелостью (Роднина, 2023). Результаты исследований показали взаимосвязь различных аспектов эмоциональной зрелости с такими компонентами субъективного и психологического благополучия родителей, как эмоциональная регуляция (Choi et al., 2024), самоконтроль, социальные навыки и др. (Роднина, 2023). Влияние эмоциональной зрелости родителей на субъективное благополучие детей младшего школьного возраста происходит при выстраивании детско-родительских отношений, которые формируются на основе шести механизмов:

- моделирование поведения;
- эмоциональная доступность;
- эмоциональный коучинг;
- снижение родительского стресса;
- позитивные методы воспитания;
- отзывчивое воспитание.

Прежде всего, эмоционально зрелые родители, демонстрируя различные способы эмоциональной регуляции и экологичного проявления эмоций, моделируют здоровое эмоциональное поведение для детей, которые подражают им и учатся применять те же стратегии в жизни. Высокий уровень эмоционального интеллекта позволяет родителям создать среду для безопасного проявления эмоций детьми без осуждения и отчуждения со стороны родителей. Такая доступность выражения эмоций позволяет развить не только здоровые стратегии эмоциональной регуляции, но и самосознание ребенка. Подобная среда чаще всего подразумевает наличие эмоционального коучинга, в процессе которого ребенок узнает об эмоциях и их разновидностях, учится их распознавать и развивает свой эмоциональный интеллект, а также обучается стратегиям совладания со стрессом. При этом, снижение родительского стресса посредством эмоциональной зрелости также оказывает влияние на психологическое благополучие ребенка. Зрелое поведение родителей в стрессовых и конфликтных ситуациях позволяет поддерживать гармонию в рамках семейных отношений и исключить негативные проявления родителей к детям на фоне стресса (Роднина, 2023). Позитивные методы воспитания позволяют не только развить самосознание и чувство собственного достоинства ребенка, но и способствуют оптимизации воспитательного процесса, укрепляя доверительные отношения между родителями и ребенком. Их формированию также способствует отзывчивое воспитание, направленное на оказание поддержки ребенку при проявлении им разного рода эмоций. Благодаря этому механизму у детей формируется чувство безопасности и надежная привязанность к родителям (Роднина, 2023).

Влияние семейных отношений на личность ребенка неоспоримо. Архиреева (2017) считает удовлетворенность всеми аспектами социальной ситуации развития, одним из которых являются отношения ребенка с родителями, «важнейшим компонентом субъективного благополучия ребенка младшего школьного возраста» (Архиреева, 2017, с. 14). В этом контексте исследователи считают важным стиль привязанности ребенка к родителю, при чем чаще всего изучается привязанность между ребенком и матерью. Надежный стиль привязанности, формирующийся в том числе благодаря механизму отзывчивого воспитания, обеспечивает приобретение ребенком устойчивых позитивных моделей окружающих и самого себя (Боулби, 2016), навыков совладания со стрессом (Куфтяк, 2012), а также навыков осознанного применения родительской поддержки (Куфтяк и др., 2021). Доверительные отношения с родителями также оказывают влияние на успешность младшего школьника в образовательном процессе (King & Ganotice, 2013). Ненадежные паттерны привязанности, характерные для тревожного или избегающего стилей, чаще всего проявляются во взаимодействии с эмоционально недоступными родительскими фигурами (Куфтяк и др., 2021). Само по себе такое взаимодействие является фрустрирующим для ребенка и влечет за собой ряд проблем, таких как агрессия (Gorrese & Ruggieri, 2012), дезадаптация (Al-Yagon, 2010) и психические нарушения (Асламазова и др., 2019).

Субъективное благополучие детей также очень восприимчиво к взаимоотношениям между родителями. Так, Potter (2010) в ходе лонгитюдного исследования обнаружила взаимосвязь переживания развода родителей с более низкой академической успеваемостью детей и снижением их психологического благополучия. Разрыв связи с родителями является серьезным стрессом для ребенка, вызывающим психологическую травму. Это особенно сильно прослеживается при изучении субъективного благополучия детей-сирот. Для таких детей характерно проявление паттернов агрессивного поведения, особенно в отстаивании своих границ во взаимодействии с воспитателями детских домов, сверстниками, и родителями в замещающей семье (Льдокова, 2021). Такое поведение может быть вызвано чувством вины, озлобленностью на приемных родителей и на «судьбу», формирующимися вследствие потери значимых взрослых, их любви и заботы. В связи с этим, субъективное благополучие детей в приемной семье тесно взаимосвязано с процессом их интегрирования в новую среду, который должен сопровождаться формированием ощущения принятия и понимания со стороны замещающих родителей (Льдокова, 2021).

Обсуждение результатов

Изучив факторы, оказывающие влияние на компоненты субъективного благополучия детей младшего школьного возраста, мы пришли к выводу, что семья играет важную роль в его формировании. Прежде всего, субъективное благополучие ребенка взаимосвязано с характером его отношений с родителями. Этот вывод находит свое подтверждение в исследовании Льдоковой (2021), которое показало разницу в уровне субъективного благополучия детей, которые имеют либо близкие доверительные отношения с родителями, либо переживают непонимание и гиперопеку со стороны родителей. Наличие надежного типа привязанности ребенка к родительской фигуре также является одним из факторов, благотворно влияющих на развитие у ребенка навыков и качеств, составляющих основу для субъективного и психологического благополучия. Этот вывод согласуется с результатами исследования Куфтяк и др. (2021), которые обнаружили снижение удовлетворенности жизнью, наличие поведенческих нарушений и низкий уровень общего благополучия у детей с ненадежным типом привязанности к матери. Авторы обнаружили, что «чуткость и внимательность матери представляет собой безусловный предиктор удовлетворенности жизнью, физического и социального благополучия, качества жизни в младшем школьном возрасте» (Куфтяк и др., 2021, с. 139).

Кроме того, можно сделать вывод, что субъективное благополучие детей младшего школьного возраста тесно связано с психологическим благополучием и эмоциональной зрелостью родителей. Так, последняя помогает выстроить оптимальную стратегию воспитания ребенка с эффективными дисциплинарными мерами и эмоциональной вовлеченностью в переживания ребенка. Это косвенно подтверждается в исследовании Авдеевой и Кочетковой (2008), которые обнаружили развитие тревожности и страхов у младших школьников, родители которых демонстрируют дефицит эмоциональной близости и высокий уровень тревожности в отношениях с ребенком. Вихман и др. (2022) признают обеспечение психологического благополучия родителей важным фактором благополучия детей младшего школьного возраста наравне с психолого-педагогической компетентностью.

Еще одной детерминантой субъективного благополучия детей младшего школьного возраста можно назвать социальный статус их семьи. Однако здесь важно отметить наличие факторов риска нарушения субъективного благополучия ребенка в семьях как с низким, так и с высоким социальным статусом. И если в семьях с низким социальным статусом его уровень может снизиться за счет асоциального поведения родителей, низкого материального обеспечения и жестокости по отношению к ребенку (Сафронова и др., 2016), то высокий социальный статус может повлечь за собой эмоциональную отстраненность родителей или, наоборот, гиперопекающее поведение. Значимость влияния гиперопекающего поведения на обоих субъектов в системе «родитель – ребенок» была подтверждена в исследовании израильских ученых, которые обнаружили взаимосвязь «избыточного воспитания» с субъективным благополучием как самих родителей, так и детей младшего школьного возраста (Yaffe et al., 2024).

Заключение. Таким образом, глядя на субъективное благополучие детей младшего школьного возраста сквозь призму семейных отношений, можно заключить, что гармоничные отношения как между супругами, так и между

ребенком и родителем, закладывают прочный фундамент для развития всех его компонентов. Можно выделить следующие аспекты вклада семьи в субъективное благополучие ребенка:

- эмоциональная зрелость родителей;
- гармоничные взаимоотношения родителей;
- субъективное благополучие родителей;
- стиль привязанности ребенка к родителю
- материальное обеспечение всех базовых потребностей ребенка.

Все эти факторы оказывают влияние как на психологическое благополучие ребенка, так и на его успешность в коммуникации и образовательном процессе, формируя все аспекты его личности.

Список литературы

- Авдеева, Н. Н. (2008). Влияние стиля детско-родительских отношений на возникновение страхов у детей. *Психологическая наука в образовании*, 4, 35–47.
- Архиреева, Т. В. (2017). Субъективное благополучие младших школьников. *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*, 4(102), 13–16.
- Асадуллин, М. Р. (2022). Теоретический анализ понятия «психологическое благополучие» человека. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 11(6А), 228–240. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.78.44.025>
- Асламазова, Л. А., Мухамедрахимов, Р. Ж., и Вершинина, Е. А. (2019). Опыт институционализации и уровень здоровья как факторы поведения привязанности у детей в замещающих семьях. *Психологический журнал*, 40(1), 47–58. <https://doi.org/10.31857/S020595920002249-9>
- Боулби, Дж. (2016). *Создание и разрушение эмоциональных связей*. 2-е изд. Канон+.
- Быстрова, А. А. (2018). Позитивные детско-родительские отношения как фактор развития психологического благополучия детей младшего школьного возраста. *Современные научные исследования и инновации*, 12.
- Вихман, А. А., Калугин, А. Ю., Ротманова, Н. В., и Скорынин, А. А. (2022). Дефициты родительской компетентности в вопросах воспитания и цифровой социализации как точки роста психологического благополучия детей и их родителей. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, (4), 609–620.
- Камакина, О. Ю. (2022). Особенности отношения к здоровью родителей младших школьников. *Проблемы современного педагогического образования*, 74–3, 308–311.
- Кончакова, Е. В. (2022). Динамика самоотношения и субъективного благополучия студентов-психологов в пространстве учебной группы. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования*, 3, 52–56.
- Кулагина, И. Ю., и Кравцова, М. А. (2022). Связь учебной мотивации и психологического благополучия в младшем школьном возрасте. *Психолого-педагогические исследования*, 14(4), 36–51. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2022140403>
- Куфтяк, Е. В. (2012). Защитное поведение возвращенных детей-сирот. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика»*, 3, 209–212.
- Куфтяк, Е. В., и Задорова, Ю. А. (2019). Психическое здоровье дошкольников и школьников: эффект семейных факторов. *Медицинская психология в России*, 11(6(59)), 11.
- Куфтяк, Е. В., Магденко, О. В., и Задорова, Ю. А. (2021). Привязанность к матери как предиктор психологического благополучия в младшем школьном возрасте. *Образование и наука*, 23(7), 122–146. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-7-122-146>
- Леонтьев, Д. А. (2020). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1, 14–37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Льдокова, Г. М. (2021). Семейные факторы субъективного благополучия детей. *Проблемы современного педагогического образования*, 72–1, 373–377.
- Овчарова, Р. В. (2006). *Родительство как психологический феномен*. Московский психолого-социальный институт.
- Платонова, З. Н. (2017). Особенности психологического благополучия детей младшего школьного возраста. *Общество: социология, психология, педагогика*, 12, 72–75. <https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.15>
- Роднина, К. А. (2023). Влияние эмоциональной зрелости родителей на психологическое благополучие детей. *Высшее образование сегодня*, 5, 116–120. <https://doi.org/10.18137/RNU.HET.23.05.P.116>
- Сафронова, М. В., Кузнецова, В. Б., Козлова, Е. А., Ахметова, О. А., и Варшал, А. В. (2016). *Психологическое благополучие ребёнка в современном обществе: монография*. Издательство НГТУ.
- Тома, Ж. В. (2019). Здравосберегающая компетентность родителей в формировании основ здорового образа жизни детей младшего школьного возраста. *Современный ученый*, 2, 144–148.
- Черчес, Т. Е. (2023). Взаимосвязь субъективного благополучия студентов с их ценностными ориентациями. В *Проблемы психологического благополучия: материалы Международной научно-практической онлайн-конференции* (С. 306–310). Уральский государственный педагогический университет.

- Ященко, Е. Ф. (2020). Копинг-стратегии и акцентуации характера студентов-первокурсников с разным уровнем субъективного благополучия. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 22(4(84)), 1040–1049. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1040-1049>
- Adiwirandi, R., Adam, A., & Rahyu, S. (2023). Analisis psychological well-being terhadap keterampilan berbicara siswa kelas iv sdn samata kecamatan somba opu kabupaten gowa. *Jurnal Pendidikan Dan*, 1(4).
- Al-Yagon, M. (2010). Maternal emotional resources and socio-emotional well-being of children with and without learning disabilities. *Family Relations*, 59, 152–169. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2010.00592.x>
- Amawidyati, S. A. G., & Utami, M. S. (2020). Religiusitas dan psychological well-being pada korban gempa. *Advances in Soft Computing*, 51(2), 134–138. https://doi.org/10.1007/978-3-540-85867-6_16
- Choi, J. Y., Eoh, Y., & Kang, J. H. (2024). Emotion socialization mediates the short-term longitudinal relationship between mothers' depressive symptoms and children's emotion regulation. *Current Psychology*, 43, 3599–3606.
- Derang, I., Novitarum, L., & Cindia, P. (2023). Hubungan spiritualitas dengan psychological well-being pada siswa smp swasta assisi Medan tahun 2022. *Jurnal Cakrawala Ilmiah*, 2(7), 2863–2878. <https://doi.org/10.53625/jcijurnalcakrawailmiah.v2i7.5271>
- Diener, E. (2009). Subjective well-being. In *The science of well-being*. Dordrecht (pp. 11–58) Routledge.
- Gassman-Pines, A., Ananat, E. O., & Fitz-Henley, J. (2020). COVID-19 and parent-child psychological well-being. *Pediatrics*, 146(4). <https://doi.org/10.1542/peds.2020-007294>
- Gorrese, A., & Ruggieri, R. (2012). Peer attachment: A meta-analytic review of gender and age differences and associations with parent attachment. *Journal of Youth and Adolescence*, 41(5), 650–672. <https://doi.org/2443/10.1007/s10964-012-9759-6>
- Huppert, F. A. (2009). Psychological well-being: Evidence regarding its causes and consequences. *Applied psychology: health and well-being*, 1(2), 137–164.
- King, R. B., & Ganotice, F. A. (2013). The social underpinnings of motivation and achievement: Investigating the role of parents, teachers, and peers on academic outcomes. *The Asia-Pacific Education Researcher*, 23, 745–756. <https://doi.org/10.1007/s40299-013-0148-z>
- Manurung, A., & Aritonang, N. N. G. P. (2023). Pengaruh gratitude terhadap psychological well-being (pwb) pada siswa asrama sma swasta assisi di siantar. *Innovative: Journal of Social Science Research*, 3(4 SE-Articles), 9012–9025.
- Nasihah, U. F., & Djuwita, R. (2021). Intervensi bagi guru sd perempuan di masa pandemi covid-19: sebuah pelatihan peningkatan kebahagiaan psikologis. *Jurnal Penelitian Pendidikan, Psikologi Dan Kesehatan (J-P3K)*, 2(1), 39–51. <https://doi.org/10.51849/j-p3k.v2i1.87>
- Newland, L. A., Chen, H.-H., & Coyl-Shepherd, D. D. (2013). Associations among father beliefs, perceptions, life context, involvement, child attachment and school outcomes in the U.S. and Taiwan. *A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*, 11(1), 3–30. <https://doi.org/10.3149/ftf.1101.3>
- Parkes, A., Sweeting, H., & Wight, D. (2016). What shapes 7-year-olds' subjective well-being? Prospective analysis of early childhood and parenting using the Growing Up in Scotland study. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 51, 1417–1428. <https://doi.org/10.1007/s00127-016-1246-z>
- Pham, K. V. (2023). Investigating perfectionism and subject wellbeing among college students: Stress coping strategies as a mediator. *Education and Science Journal*, 25(4), 196–210. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-4-196-210>
- Potter, D. (2010). Psychosocial well-being and the relationship between divorce and children's academic achievement. *Journal of Marriage and Family*, 72, 933–946. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00740.x>
- Wita, I. W., Suarni, N. K., & Margunayasa, I. G. (2023). Analysis of Psychological Well-Being in High Grade Elementary School Children. *Journal La Medihealthico*, 4(6), 302–308. <https://doi.org/10.37899/journallamedihealthico.v4i6.954>
- Yaffe, Y., Grinshtain, Y., & Harpaz, G. (2024). Overparenting in parents of elementary school children: the direct association with positive parent-child relationship and the indirect associations with parental self-efficacy and psychological well-being. *Journal of Child and Family Studies*, 33, 863–876. <https://doi.org/10.1007/s10826-023-02764-0>

References

- Avdeeva, N. N. (2008). The influence of the style of child-parent relations on the emergence of fears in children. *Psychological Science in Education*, 4, 35–47. (In Russ.)
- Adiwirandi, R., Adam, A., & Rahyu, S. (2023). Analisis psychological well-being terhadap keterampilan berbicara siswa kelas iv sdn samata kecamatan somba opu kabupaten gowa. *Jurnal Pendidikan Dan*, 1(4).
- Al-Yagon, M. (2010). Maternal emotional resources and socio-emotional well-being of children with and without learning disabilities. *Family Relations*, 59, 152–169. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2010.00592.x>
- Amawidyati, S. A. G., & Utami, M. S. (2020). Religiusitas dan psychological well-being pada korban gempa. *Advances in Soft Computing*, 51(2), 134–138. https://doi.org/10.1007/978-3-540-85867-6_16
- Arkhireeva, T. V. (2017). Subjective well-being of junior schoolchildren. *Bulletin of Yaroslav the Wise Novgorod State University*, 4(102), 13–16. (In Russ.)
- Asadullin, M. R. (2022). Theoretical analysis of the concept of “psychological well-being” of a person. *Psychology. Historical and Critical Reviews and Contemporary Research*, 11(6A), 228–240. (In Russ.) <https://doi.org/10.34670/AR.2023.78.44.025>

- Aslamazova, L. A., Mukhamedrakhimov, R. J., & Vershinina, E. A. (2019). Institutionalization experience and health level as factors of attachment behavior in children in substitute families. *Psychological Journal*, 40(1), 47–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S020595920002249-9>
- Bowlby, J. (2016). *Making and breaking emotional connections*. 2nd ed. Canon+. (In Russ.)
- Bystrova, A. A. (2018). Positive child-parent relations as a factor in the development of psychological well-being of children of primary school age. *Modern Scientific Research and Innovations*, 12. (In Russ.)
- Choi, J. Y., Eoh, Y., & Kang, J. H. (2024). Emotion socialization mediates the short-term longitudinal relationship between mothers' depressive symptoms and children's emotion regulation. *Current Psychology*, 43, 3599–3606.
- Cherches, T. E. (2023). The relationship of students' subjective well-being with their value orientations. In *Problems of psychological well-being: materials of the International scientific and practical online conference* (P. 306–310). Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
- Derang, I., Novitarum, L., & Cindia, P. (2023). Hubungan spiritualitas dengan psychological well-being pada siswa smp swasta assisi Medan tahun 2022. *Jurnal Cakrawala Ilmiah*, 2(7), 2863–2878. <https://doi.org/10.53625/jcjournalcakrawailmiah.v2i7.5271>
- Diener, E. (2009). Subjective well-being. In *The science of well-being*. Dordrecht (pp. 11–58) Routledge.
- Gassman-Pines, A., Ananat, E. O., & Fitz-Henley, J. (2020). COVID-19 and parent-child psychological well-being. *Pediatrics*, 146(4). <https://doi.org/10.1542/peds.2020-007294>
- Gorrese, A., & Ruggieri, R. (2012). Peer attachment: A meta-analytic review of gender and age differences and associations with parent attachment. *Journal of Youth and Adolescence*, 41(5), 650–672. <https://doi.org/2443/10.1007/s10964-012-9759-6>
- Huppert, F. A. (2009). Psychological well-being: Evidence regarding its causes and consequences. *Applied psychology: health and well-being*, 1(2), 137–164.
- Vikhman, A. A., Kalugin, A. Y., Rotmanova, N. V., & Skorynin, A. A. (2022). Parental competence deficits in parenting and digital socialization as points of growth of psychological well-being children and their parents. *Vestnik Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, (4), 609–620. (In Russ.)
- Kamakina, O. Y. (2022). Features of the attitude to health of parents of younger schoolchildren. *Problems of modern pedagogical education*, 74–3, 308–311. (In Russ.)
- King, R. B., & Ganotice, F. A. (2013). The social underpinnings of motivation and achievement: Investigating the role of parents, teachers, and peers on academic outcomes. *The Asia-Pacific Education Researcher*, 23, 745–756. <https://doi.org/10.1007/s40299-013-0148-z>
- Konchakova, E. V. (2022). Dynamics of self-relationship and subjective well-being of psychology students in the space of the study group. *Vestnik Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, 3, 52–56. (In Russ.)
- Kulagina, I. Y., & Kravtsova, M. A. (2022). The relationship of learning motivation and psychological well-being in the younger school age. *Psychological and Pedagogical Research*, 14(4), 36–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psyedu.2022140403>
- Kuftyak, E. V. (2012). Protective behavior of returned orphans. *Vestnik KSU named after N. A. Nekrasov. Series "Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics"*, 3, 209–212. (In Russ.)
- Kuftyak, E. V., & Zadorova, Y. A. (2019). Mental health of preschoolers and schoolchildren: the effect of family factors. *Medical Psychology in Russia*, 11(6(59)), 11. (In Russ.)
- Kuftyak, E. V., Magdenko, O. V., & Zadorova, Y. A. (2021). Attachment to mother as a predictor of psychological well-being at the younger school age. *Education and Science*, 23(7), 122–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-7-122-146>
- Leontiev, D. A. (2020). Happiness and subjective well-being: towards the construction of a conceptual field. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, 1, 14–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Ldokova, G. M. (2021). Family factors of children's subjective well-being. *Problems of modern pedagogical education*, 72–1, 373–377. (In Russ.)
- Manurung, A., & Aritonang, N. N. G. P. (2023). Pengaruh gratitude terhadap psychological well-being (pwb) pada siswa asrama sma swasta assisi di siantar. *Innovative: Journal of Social Science Research*, 3(4 SE-Articles), 9012–9025.
- Nasihah, U. F., & Djuwita, R. (2021). Intervensi bagi guru sd perempuan di masa pandemi covid-19: sebuah pelatihan peningkatan kebahagiaan psikologis. *Jurnal Penelitian Pendidikan, Psikologi Dan Kesehatan (J-P3K)*, 2(1), 39–51. <https://doi.org/10.51849/j-p3k.v2i1.87>
- Newland, L. A., Chen, H.-H., & Coyl-Shepherd, D. D. (2013). Associations among father beliefs, perceptions, life context, involvement, child attachment and school outcomes in the U.S. and Taiwan. *A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*, 11(1), 3–30. <https://doi.org/10.3149/ft.1101.3>
- Ovcharova, R. V. (2006). *Parenting as a psychological phenomenon*. Moscow Psychological and Social Institute. (In Russ.)
- Parkes, A., Sweeting, H., & Wight, D. (2016). What shapes 7-year-olds' subjective well-being? Prospective analysis of early childhood and parenting using the Growing Up in Scotland study. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 51, 1417–1428. <https://doi.org/10.1007/s00127-016-1246-z>
- Pham, K. V. (2023). Investigating perfectionism and subject wellbeing among college students: Stress coping strategies as a mediator. *Education and Science Journal*, 25(4), 196–210. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-4-196-210>
- Potter, D. (2010). Psychosocial well-being and the relationship between divorce and children's academic achievement. *Journal of Marriage and Family*, 72, 933–946. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00740.x>

- Platonova, Z. N. (2017). Features of psychological well-being of children of primary school age. *Society: sociology, psychology, pedagogics*, 12, 72–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.15>
- Rodnina, K. A. (2023). The influence of parents' emotional maturity on children's psychological well-being. *Higher Education Today*, 5, 116–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.18137/RNU.HET.23.05.P.116>
- Safronova, M. V., Kuznetsova, V. B., Kozlova, E. A., Akhmetova, O. A., & Varshal, A. V. (2016). *Psychological well-being of a child in modern society: a monograph*. NSTU Publishing House. (In Russ.)
- Toma, J. V. (2019). Health-promoting competence of parents in forming the basics of healthy lifestyle of primary school-age children. *Modern Scientist*, 2, 144–148. (In Russ.)
- Wita, I. W., Suarni, N. K., & Margunayasa, I. G. (2023). Analysis of Psychological Well-Being in High Grade Elementary School Children. *Journal La Medihealtico*, 4(6), 302–308. <https://doi.org/10.37899/journallamedihealtico.v4i6.954>
- Yaffe, Y., Grinshtain, Y., & Harpaz, G. (2024). Overparenting in parents of elementary school children: the direct association with positive parent-child relationship and the indirect associations with parental self-efficacy and psychological well-being. *Journal of Child and Family Studies*, 33, 863–876. <https://doi.org/10.1007/s10826-023-02764-0>
- Yashchenko, E. F. (2020). Coping strategies and character accentuations of freshmen students with different levels of subjective well-being. *Bulletin of Kemerovo State University*, 22(4(84)), 1040–1049. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1040-1049>

Об авторах:

Лаура Цраевна Кагермазова, доктор психологических наук, профессор РАО, профессор кафедры психологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (Российская Федерация, 364024, Чеченская Республика, г. Грозный, пр. Исаева, 62), [ORCID](#), [SPIN-код](#), laura07@yandex.ru

Светлана Витальевна Велиева, кандидат психологических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии образования ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», (Российская Федерация, 428000, Чувашская Республика – Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38), [ORCID](#), [SPIN-код](#), stlena70@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Laura Tsrayevna Kagermazova, Dr. Sc. (Psychology), Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Psychology of the Chechen State Pedagogical University (62, Isaeva Ave., Grozny, 364024, Chechen Republic, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), laura07@yandex.ru

Svetlana Vitalievna Velieva, Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor of the Preschool Pedagogy and Psychology Education Department, I. Y. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, (38, K. Marksa St., Chuvash Republic – Chuvashia, Cheboksary, 428000, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), stlena70@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 15.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 02.03.2025

Принята к публикации / Accepted 03.03.2025

КОРРЕКЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ CORRECTIONAL PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

УДК 37.013.42

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-18-30>

Стили воспитания родителей в семьях детей с ограниченными возможностями здоровья

Мария В. Залужная , Елена А. Байер

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ zaluzhnaya.mari@mail.ru

CBVWXS

Аннотация

Введение. Актуальность исследования заключается в рассмотрении относительного нового направления, значимого для педагогического и психологического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, – стилей воспитания родителей. Негармоничные типы воспитания детей с ОВЗ могут приводить к нарушениям поведения и трудностям социальной адаптации. В статье рассмотрены особенности детей с различными типами ОВЗ и проблемы их адаптации в социуме.

Цель. Установление типов воспитания в семьях, воспитывающих детей с ОВЗ, и выявление негармоничных типов воспитания.

Материалы и методы. Для выявления негармоничных типов воспитания использована стандартизированная методика анализа семейных взаимоотношений Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса, позволяющая рассмотреть различные компоненты, в том числе стили воспитания. Исследуемые группы (всего 150 человек) представлены родителями, воспитывающими детей с ОВЗ (75 человек), и родителями, воспитывающими детей с нормотипичным развитием (75 человек). Дети с ОВЗ обладали нарушениями слухового, зрительного, двигательного развития, расстройствами аутистического спектра, задержкой психического развития, умственной отсталостью.

Результаты исследования. В результате выявлено, что типы семейного воспитания различаются у семей, воспитывающих детей с ОВЗ, и семей, воспитывающих детей с нормой развития. Установлено, что у семей, воспитывающих детей с ОВЗ, преобладают негармоничные типы воспитания, такие как потворствующая гиперпротекция, доминирующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение, гипопротекция, а в отдельных случаях – жестокое обращение. Полученные различия в стилях воспитания отражают необходимость составления персонализированных программ психолого-педагогического сопровождения семей, воспитывающих детей с ОВЗ.

Обсуждение результатов. На основе полученных эмпирических данных нами разработана модель социально-педагогической поддержки семей, воспитывающих детей с ОВЗ и обладающих негармоничным типом воспитания. Данная модель легла в основу разработки программы сопровождения семей, воспитывающих детей с ОВЗ. В разделе представлена сама модель, а также цель, задачи, этапы и сроки реализации данной программы.

Ключевые слова: семья, ограниченные возможности здоровья, стили семейного воспитания, негармоничный тип воспитания, социально-педагогическая поддержка

Для цитирования. Залужная, М. В., и Байер, Е. А. (2025). Стили воспитания родителей в семьях детей с ограниченными возможностями здоровья. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(2), 18–30. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-18-30>

Parenting Styles in Families of Children with Disabilities

Maria V. Zaluzhnaya , Elena A. Bayer

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 zaluzhnaya.mari@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study lies in the consideration of a relatively new direction, significant for pedagogical and psychological support of children with disabilities – parenting styles. Non-harmonious types of parenting of children with disabilities can lead to behavioral disorders and difficulties in social adaptation. The article considers the characteristics of children with different types of disabilities and the problems of their adaptation in society.

Objective. To establish the types of upbringing in families bringing up children with disabilities and to identify non-harmonious types of upbringing.

Materials and Methods. To identify non-harmonious types of upbringing we used the standardized method of family relationship analysis by E. G. Eidemiller and V. V. Joustickis, which allows us to consider various components, including parenting styles. The groups under study (150 people in total) were represented by parents raising children with disabilities (75 people) and parents raising children with normotypic development (75 people). Children with disabilities had auditory, visual, motor development disorders, autism spectrum disorders, mental retardation, mental retardation.

Results. The results revealed that the types of family upbringing differ between families raising children with disabilities and families raising children with normal development. It was found that families raising children with disabilities have predominantly non-harmonious types of upbringing, such as condoning hyperprotection, dominating hyperprotection, emotional rejection, hypoprotection, and in some cases – abuse. The obtained differences in parenting styles reflect the need for personalized programs of psychological and pedagogical support for families raising children with disabilities.

Discussion. Based on the empirical data we developed a model of socio-pedagogical support for families raising children with disabilities and having a non-harmonious type of upbringing. This model formed the basis for the development of a support program for families raising children with disabilities. This section presents the model itself, as well as the goal, tasks, stages and terms of implementation of this program.

Keywords: family, disability, family upbringing styles, non-harmonious type of upbringing, socio-pedagogical support

For Citation. Zaluzhnaya, M. V., & Bayer, E. A. (2025). Parenting styles in families of children with disabilities. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(2), 18–30. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-18-30>

Введение

Обеспечение соответствующей психологической и педагогической поддержки родителям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ), и самим детям – актуальная проблема, находящаяся на стыке психологии и педагогической науки (Finardi et al., 2022; Кисова и Воробьева, 2023). Ее решение является необходимым в контексте охраны здоровья и социальной защиты, повседневных проблем, укрепления и развития позитивных семейных отношений, восстановления внутренних ресурсов, стабилизации достигнутых положительных результатов в социально-экономическом положении и ориентации на реализацию социализирующего потенциала.

Специфика детей с ограниченными возможностями здоровья: анализ психологических исследований. Исследователи фокусируются на проблемах, характерных для **социальной адаптации детей с сенсорными нарушениями**: нарушениями зрения и слуха. Среди них выделяются: ограниченность коммуникаций (Sit et al., 2022), проблемы с социализацией и адаптацией (Маль, 2020), ограниченный доступ к культурному и образовательному пространству (Выготский, 2022; Martin Ginis et al., 2021). Отклонения в формировании речи при нарушениях зрительного аппарата приводят к проблемам в социальной адаптации ребенка, так как поражаются темп речи, процесс накопления словарного запаса, происходит формирование побочного количества слов, не связанных с конкретным содержанием предмета речи (Деркачева и др., 2023). Качество восприятия информации в таком случае резко снижено и искажено, что отражается на развитии мышления (Матвеева и Карандаева, 2021; Шарипова, 2021). Также для такого рода нарушений характерна специфичность непроизвольного внимания, неустойчивость эмоционально-волевой сферы (Šćerpanović & Nikolić, 2020), трудности с удержанием фокуса внимания (Демидова и др., 2020), низкий уровень переключаемости внимания, иногда инертность и общая подавленность при повышенном воздействии на слуховой аппарат у детей с нарушениями слуха (Желвакова и Манахова, 2024; Дружба и др., 2023).

Умственная отсталость характеризуется необратимостью процессов, системностью и органическим поражением головного мозга (Маслова и Агавелян, 2023). Для детей с умственной отсталостью могут быть характерны депрессивные проявления, связанные с ощущением хронической усталости (Савина, 2022). Также отмечаются

повышенная истощаемость психических процессов, нарушение сна, агрессивность, раздражительность, чувство вины, самоповреждающее поведение, различные аддикции. Для детей с умственной отсталостью могут быть характерны признаки тревожных расстройств – нервозность, психомоторные реакции, беспокойство, озабоченность, настороженность (Пыханова, 2022). **Задержка психического развития** формируется под влиянием ряда биологических, социальных или психологических факторов (Бахтиной и др., 2023; Альшаева, 2024), и является комплексным нарушением развития, мозаично отражающемся на различных сферах жизнедеятельности ребенка. У детей с **нарушениями опорно-двигательного аппарата** отмечаются недоразвитие познавательной сферы (Ишинова и Тхоржевская, 2021), дефекты речи, нарушения двигательной сферы (Мартынова и др., 2022), зрительно-моторной координации, а также эмоционально-личностной сферы (Павлова, 2020).

Для детей с различными типами ОВЗ, в случае неблагоприятной семейной и образовательной среды, может быть характерно отклоняющееся поведение: исследователи отмечают формирование лживости, грубости и лени у детей с нарушениями слуха (Атаджанян, 2024), низкую учебную мотивацию, неуспеваемость, нарушение режима образовательной организации, конфликтные формы поведения (Махина и Колотушкина, 2020).

Воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья. Процесс принятия ребенка с ОВЗ носит индивидуальный характер. Он обусловлен как диагнозом ребёнка, так и психологическими особенностями родителей (Седова и др., 2021), и требует внимательного отношения, особенно на ранних стадиях (Коротяева, 2020). Внимательное отношение будет включать в себя расширение возможностей для адаптации ребенка к окружающей среде и учет его эмоциональных потребностей (Кисова и Воробьева, 2023). Дисфункциональный тип воспитания ребенка с ОВЗ формирует у него такие личностные черты, как пассивность (Тарадай и Кудрявцев, 2020), тревожность, конформность, и агрессивность (Гагай и Берестова, 2021). Все это является провоцирующим фактором принятия ребенком виктимных позиций в межличностных и межгрупповых отношениях (Koštić et al., 2024). Чтобы не допустить деформаций личностной и смысловой сферы у детей с ОВЗ, родителям необходима квалифицированная и своевременная помощь в принятии своего ребенка, что в свою очередь приведет к скорейшей адаптации в новой сложной ситуации и формированию адекватных детско-родительских отношений для соответствующего развития особого ребенка (Верник и Круглова, 2025; Шишкова и др., 2022).

На региональном уровне поддержка семей, воспитывающих детей с ОВЗ, возможна по достаточно обширному спектру позиций: раннее выявление детей, нуждающихся в заботе государства, обеспечение доступного и качественного образования по адаптированным программам, подготовка педагогических работников к трудовой деятельности с детьми с ОВЗ через профессиональную переподготовку и повышение квалификации. Мировая необходимость в социально-педагогической поддержке семей, воспитывающих детей с ОВЗ, на данный момент только повышается (Finardi et al., 2022).

Целью исследования было установление типов воспитания в семьях детей с ОВЗ, для выявления дисфункциональных стилей. Мы предположили, что:

- типы семейного воспитания будут различаться у семей, воспитывающих детей с ОВЗ, и семей, воспитывающих детей с нормотипичным развитием (гипотеза 1);
- у семей, воспитывающих детей с ОВЗ, будут преобладать дисгармоничные типы воспитания (гипотеза 2).

Материалы и методы

В работе была использована стандартизированная **методика анализа семейных взаимоотношений Эйдемиллера и Юстицкиса** (2008). Методика позволяет выявить достаточное количество типов семейного воспитания, начиная от гиперпротекции и заканчивая чрезмерностью санкций. Далее в описании результатов нами описаны шкалы данной методики. Сбор информации и тестирование проводились дистанционно, с использованием Google Forms. Показатели, полученные по методике, анализировались по разнице между допустимым порогом значения и выявленным результатом.

В исследовании применен метод моделирования, предполагающий построение теоретической модели осуществления социально-педагогической поддержки семей, воспитывающих детей с ОВЗ с негармоничным типом воспитания. Для обработки результатов мы использовали метод сравнения средних значений. Средние значения находились при помощи доверительных интервалов, далее устанавливалась разница между допустимым порогом значения признака и полученным результатом.

Результаты исследования

С целью выявления негармоничных типов воспитания в семьях было проведено диагностическое исследование группы родителей, воспитывающих детей с ОВЗ в количестве 75 человек (далее по тексту РОВЗ). Выборку составили родители из 19 неполных и 56 полных семей, а распределение типов ОВЗ по выборке представлено в таблице 1.

Контрольная группа была представлена 75 родителями, воспитывающими детей с нормотипичным развитием (далее по тексту РНР), среди которых 21 родитель из неполной семьи и 54 – из полной. Выборки гомогенны по возрасту и роду деятельности.

По типу семейного воспитания «потворствующая гиперпротекция» выявлены различия в значениях средних показателей для групп испытуемых, которые представлены в таблице 2.

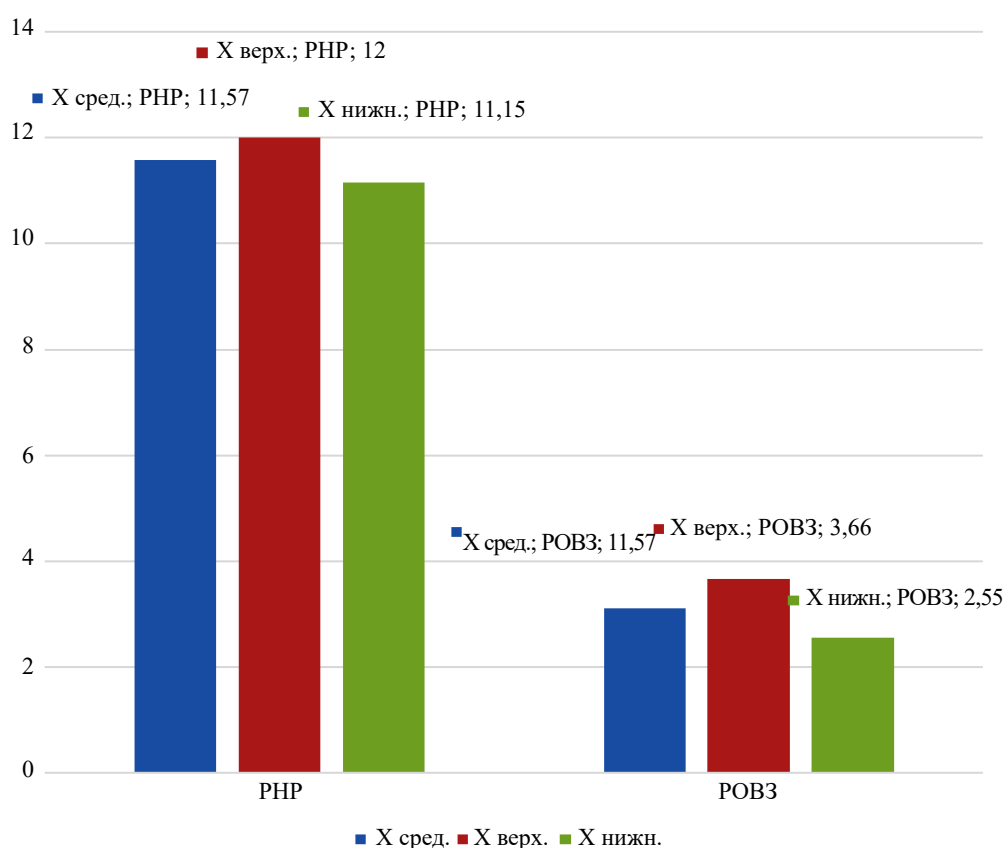
Таблица 1*Типы ОВЗ и количество детей с данным типом*

Тип ОВЗ	Количество детей с данным типом ОВЗ в выборке РОВЗ
Нарушения слуха	13
Нарушения зрения	10
Умственная отсталость	9
Задержка психического развития	3
Нарушения опорно-двигательного аппарата	19
Расстройства аутистического спектра	13
Тяжелые множественные нарушения развития	8

Таблица 2*Значение средних показателей по шести критериям семейного воспитания для обеих групп испытуемых*

п\п	Показатель	Группа РНР (X сред.)	Группа РОВЗ (X сред.)	Альфа
1.	Потворствующая гиперпротекция	11,57	3,11	0,10
2.	Доминирующая гиперпротекция	19,84	6,01	0,10
3.	Эмоциональное отвержение	19,07	6,49	0,10
4.	Повышенная моральная ответственность	8,11	2,53	0,10
5.	Гипопротекция	10,11	3,47	0,10
6.	Жестокое отношение	17,16	5,83	0,10

Из данных таблицы можно отметить тенденцию к увеличению показателя для группы родителей, воспитывающих детей с нормой развития – 11,57, и, напротив, в группе родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, разница в значениях минимальная и составляет 3,11 (рисунок 1). Представленные статистические данные подтверждают первую и вторую гипотезу нашего исследования.

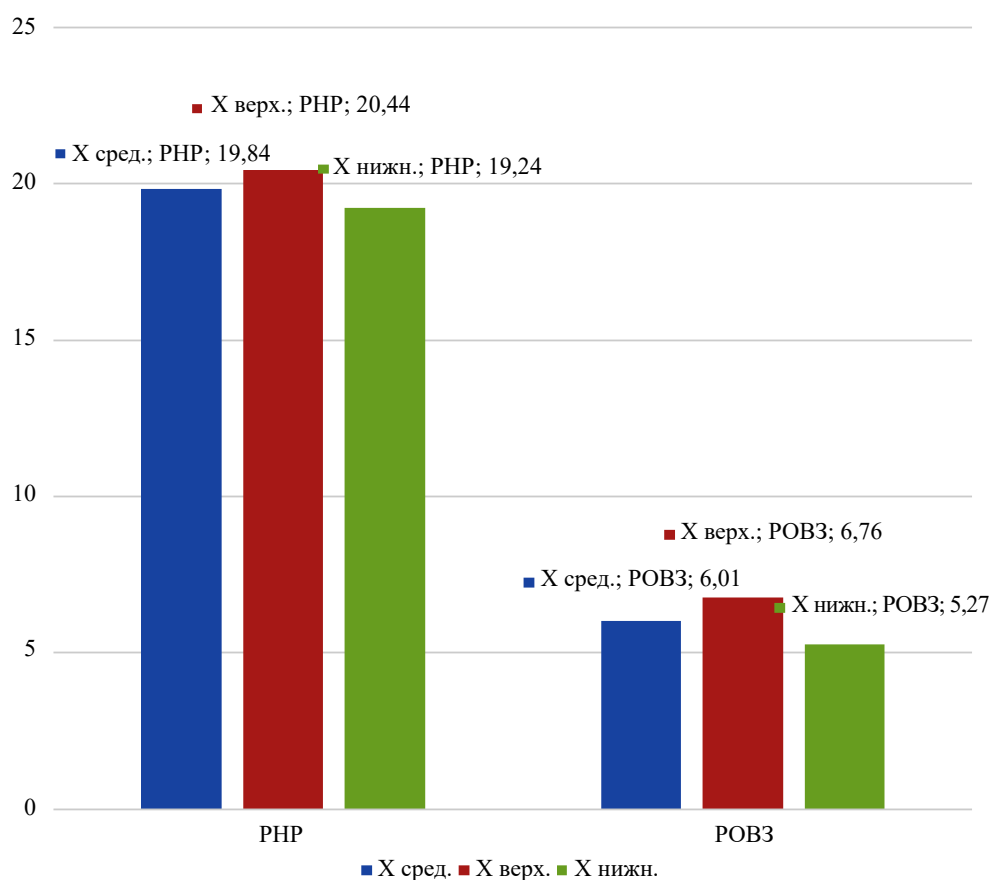
Рисунок 1*Стили семейного воспитания по компоненту «потворствующая гиперпротекция»*

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что в воспитательном процессе семей с детьми с ОВЗ доминирующим признаком является потворствующая гиперпротекция. Данный тип воспитания формирует из ребенка «кумира», что проявляется в подчинении жизнедеятельности семьи и всех членов семьи ритму жизни ребенка, ребенок возводится на «пьедестал», что особо усиливается ввиду ограниченности каких-либо его способностей или действий. Родители при таком типе воспитания зачастую завышают реальную оценку талантов и способностей ребенка, и он испытывает дискомфорт от ситуации при попадании в коллектив, что может приводить к нервному срыву и различным невротическим состояниям.

По показателю «доминирующая гиперпротекция» значения обеих групп различаются. В группе родителей, воспитывающих детей с нормой развития, преобладают высокие значения, а в группе родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, разница значительно меньше. Среднее значение для группы РНР составляет 19,84, а для группы РОВЗ – 6,01 (таблица 1, рисунок 2).

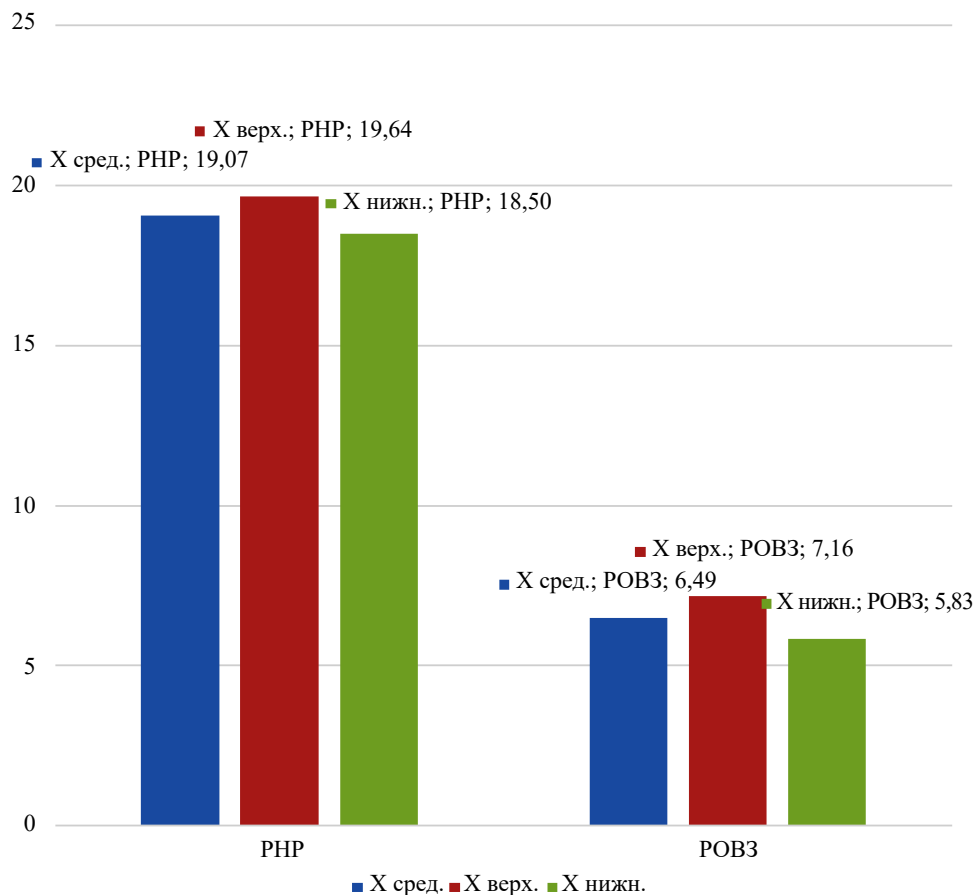
Рисунок 2

Стили семейного воспитания по компоненту «доминирующая гиперпротекция»

Наблюдается наличие деструктивных тенденций в функционировании семей, воспитывающих детей с ОВЗ, а именно наличие доминирующей гиперпротекции. Данные тенденции воспитания проявляются в ограничении воли ребенка, ограничении самостоятельности ввиду каких-либо особенностей здоровья, регламентировании жизнедеятельности ребенка широкому спектру запретов и правил с целью контроля и безопасности. Данный негармоничный тип воспитания присущ авторитарному стилю. На фоне ОВЗ данный стиль детско-родительских взаимоотношений может сформировать застенчивого, робкого, неуверенного в себе, зависимого ребенка с неразвитыми коммуникативными навыками. Ведущей деятельностью взаимоотношений ребенок-родитель является привязанность и послушание, которые приводят к недоразвитию когнитивных процессов. Полученные результаты частично подтверждают сформулированные нами гипотезы исследования.

При анализе данных по показателю «эмоциональное отвержение», был зафиксирован высокий показатель разницы с допустимым значением: так, средний показатель для этих испытуемых группы РНР составляет 19,07, а в группе РОВЗ – 6,49, что свидетельствует наличии разницы в процессе воспитания у данных групп семей и подтверждение обеих выдвинутых нами гипотез (таблица 1, рисунок 3).

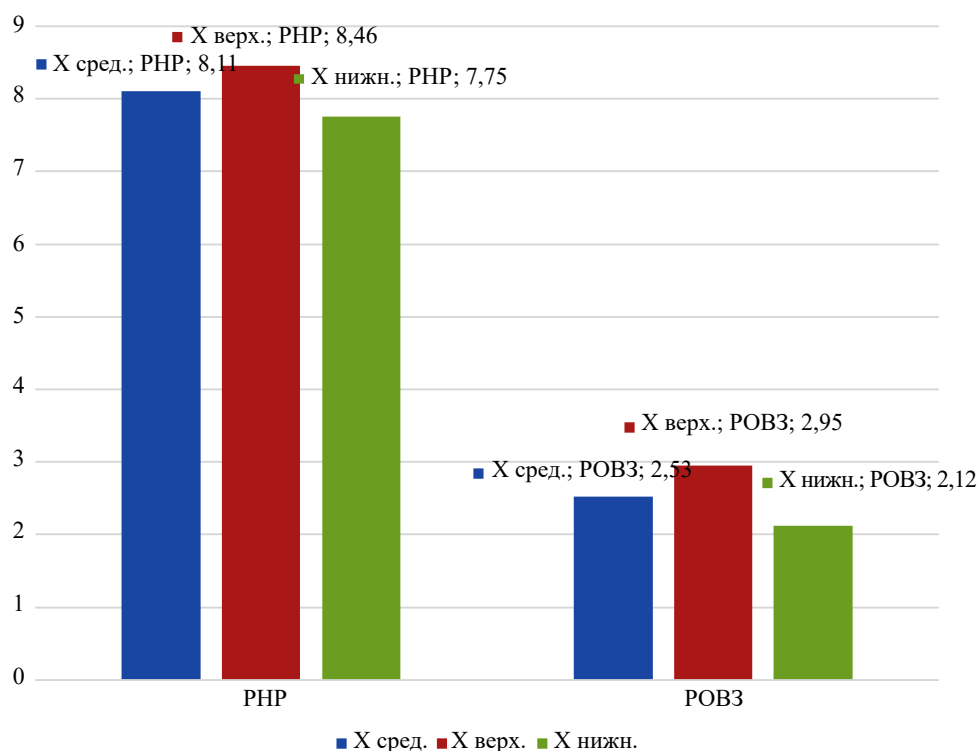
Рисунок 3*Стили семейного воспитания по компоненту «эмоциональное отвержение»*

В группе испытуемых РОВЗ наблюдается пониженное значение показателя разницы с допустимым пределом, что говорит о наличии тенденции перекалывания родителями на ребенка ответственности за свои неудачи или какие-либо негативные моменты собственной жизни. Испытуемые считают, что воспитание ребенка с ОВЗ обуславливает их трудности в личной жизни или профессиональной карьере. Между тем, ребенок ощущает подобное отношение родителей к себе, чувствует дистанцию, возникающую у него со взрослыми. Подобные процессы формируют различные невротические расстройства и акцентуации личности.

Показатель «повышенная моральная ответственность» имеет также дифференциальные различия между группами испытуемых (таблица 1). Из анализа полученных данных нами установлено, что разница в показателях составляет в группе РНР – 8,11, в группе РОВЗ – 2,53. Показатель «повышенная моральная ответственность» был выявлен у отцов, воспитывающих детей с ОВЗ. В данных семьях воспитанием, уходом и содержанием ребенка занимается мать. Отцы обеспечивают семью материальными потребностями. Мужчины значительно меньше времени проводят с ребенком, в связи с чем не уделяют ему достаточное внимание (рисунок 4).

Рисунок 4

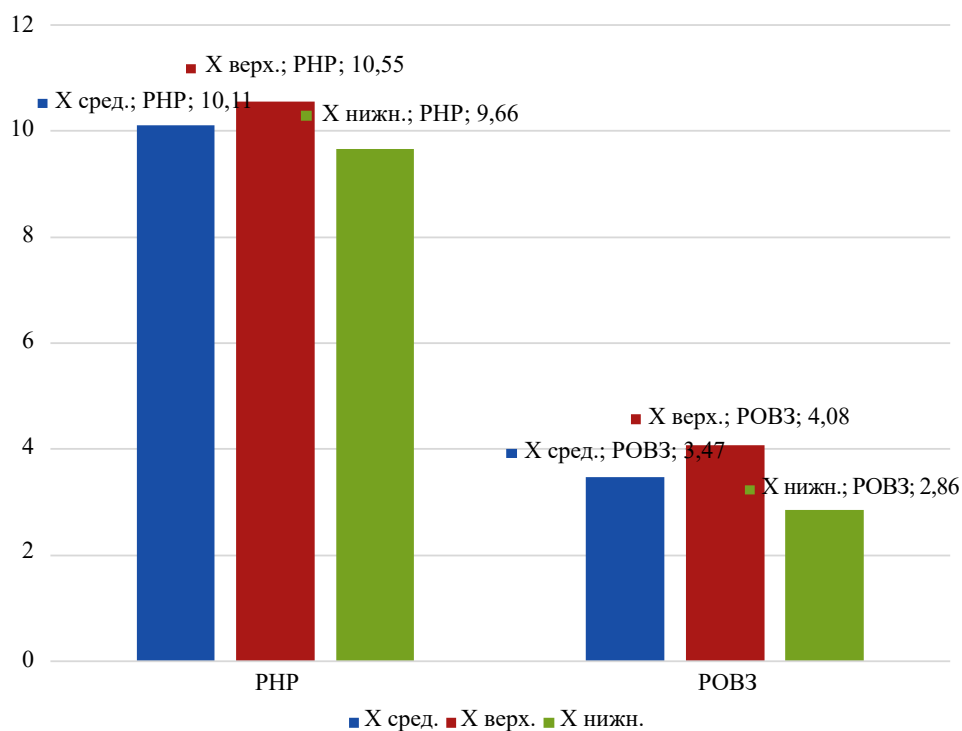
Стили семейного воспитания по компоненту «повышенная моральная ответственность»

В группах испытуемых также зафиксирован показатель «гипопротекции» с различием средних значений между группами в 6,64 (таблица 1, рисунок 5).

Рисунок 5

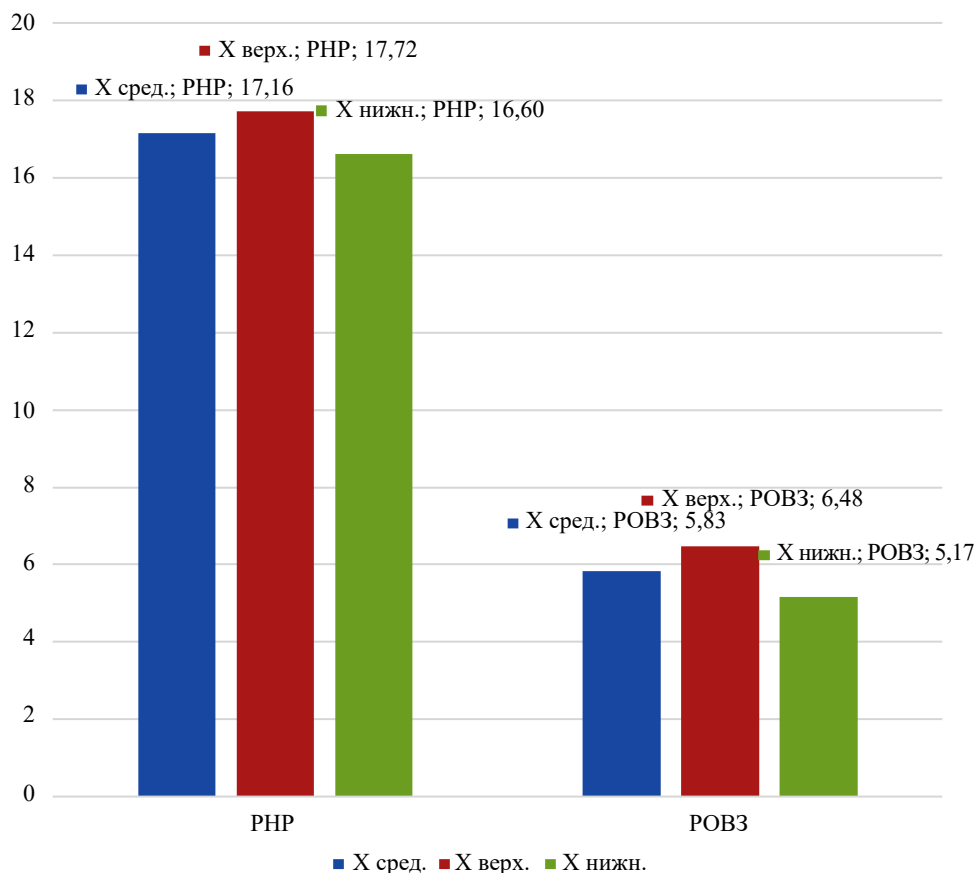
Стили семейного воспитания по компоненту «гипопротекция»

В группах испытуемых выявлено наличие компонента «жестокое отношение» (таблица 1). Из таблицы установлено, что наличие данного показателя более выражено в группе РОВЗ, он составляет 5,83, а в группе РНР значение этого показателя составляет 17,16. Данный показатель характеризуется наличием в воспитательном воздействии родителей эмоционального отвержения (рисунок 6). Следует отметить, что наличие данного стиля воспитания выявлено у небольшого процента групп испытуемых.

Рисунок 6

Стили семейного воспитания по компоненту «жестокое отношение»

Из графических данных и из табличных значений нами установлено, что статистические данные подтверждают первую и вторую гипотезу нашего исследования.

Обсуждение результатов

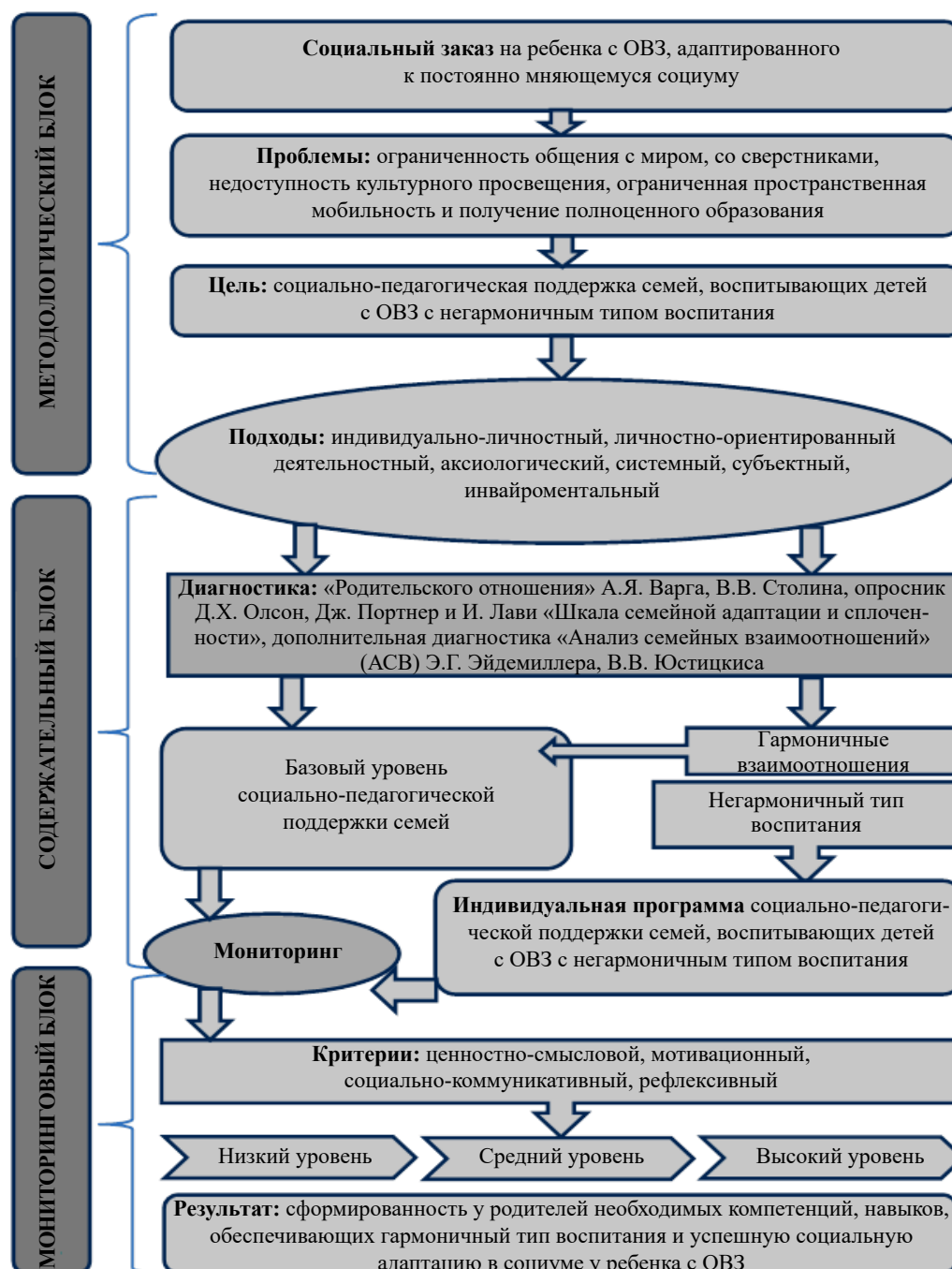
Полученные результаты свидетельствуют о необходимости сопровождения семей, воспитывающих детей с ОВЗ, различными специалистами, о чем также свидетельствуют ранее опубликованные работы (Демидова и др., 2020; Верник и Круглова, 2025). На основе теоретического анализа и эмпирических данных исследования нами была разработана модель сопровождения семей, воспитывающих детей с ОВЗ с негармоничным типом воспитания, ее структура представлена на рисунке 7. Модель включает методологический, содержательный и мониторинговый блоки.

Методологический блок представлен целью, обоснованной социальным заказом на ребенка с ОВЗ, адаптированного к постоянно меняющемуся социуму, ограниченностью общения с миром, со сверстниками, недоступностью культурного просвещения, ограниченностью пространственной мобильности и получения полноценного образования, на что указывают результаты и нашего исследования, и исследований иностранных авторов на выборке детей с РАС (Clauser et al., 2021). Представлены теоретико-методологические подходы к организации процесса социально-педагогической поддержки семей, воспитывающих детей с ОВЗ.

Содержательный блок отражает алгоритм осуществления социально-педагогической поддержки семей, воспитывающих детей с ОВЗ. Первоначальная диагностика ориентирована на выявление семейной сплоченности и адаптации, родительского отношения. Далее проводится дополнительная диагностика на выявление негармоничного типа воспитания. При наличии нормы в функционировании семьи, она включается в базовый уровень социально-педагогической поддержки. Если в ходе дополнительной диагностики выявляется негармоничный тип воспитания, то разрабатывается индивидуальная программа сопровождения. Стоит отметить, что на наличие дисгармоничных типов воспитания указывают также исследования, сфокусированные на изучении стилей воспитания и родительского стресса (Finardi et al., 2022; Bujnowska et al., 2021).

Рисунок 7

Модель социально-педагогической поддержки семей, воспитывающих детей с ОВЗ с негармоничным типом воспитания

В мониторинговом блоке описывается прогнозируемый результат социально-педагогического сопровождения: сформированность у родителей необходимых компетенций, навыков, обеспечивающих гармоничный тип воспитания и успешную социальную адаптацию в социуме ребенка с ОВЗ (Махина и Колотушкина, 2020), на необходимость которых указывается в исследованиях отечественных авторов (Кисова и Воробьева, 2023; Маль, 2020). В мониторинговом блоке модели определены оценочные критерии, включающие наличие ценностных ориентаций, принятие новой социальной роли – родителя особого ребенка, сформированность мотивационной сферы, направленной на овладение приемами и навыками взаимодействия с ребенком, саморазвитие и самосовершенствование, социальную успешность, сформированность навыков конструктивного выхода из конфликтных ситуаций, удовлетворенность отношениями с близким окружением и с социумом, понимание и принятие своих затруднений в процессе воспитания ребенка с ОВЗ.

Заключение. Основываясь на разработанной модели, предложена программа социально-педагогического сопровождения семей, воспитывающих ребенка, имеющего особенности развития. Целью программы является

профилактика негармоничных типов воспитания у семей, воспитывающих детей с ОВЗ. В программе выделены формы социальной изоляции, встречающиеся у родителей: агрессивные реакции, пренебрежение нормами права, измененная система ценностей, различные формы агрессивного, зависимого поведения, утрата социальных связей, негармоничные типы воспитания ребенка с ОВЗ. Задачи программы:

- актуализировать теоретические знания родителей об индивидуальных особенностях ребенка с ОВЗ;
- создать условия для реализации системы мер профилактического и социального характера, связанных с организацией эффективной социальной деятельности;
- повысить мотивацию для личностного роста и развития коммуникативных навыков у родителей, испытывающих трудности в принятии ребенка с ОВЗ, с целью повышения последующей адаптированности детей с ОВЗ в обществе.

Этапы и сроки реализации программы предполагают подготовительный, организационный, ознакомительно-диагностический, основной, заключительный и контрольно-аналитический этапы.

В завершение нашего исследования мы установили, что приоритетным направлением в решении проблем адаптации детей с ОВЗ в современном обществе является целостная, эффективная система организации сопровождения семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. Сопровождение семей, воспитывающих детей с ОВЗ, должно быть направлено на защиту прав и интересов несовершеннолетнего и всей семьи, на решение повседневных проблем, укрепление и развитие позитивных семейных отношений, восстановление внутренних ресурсов, стабилизацию достигнутых положительных результатов в социально-экономическом положении и ориентации на реализацию социализирующего потенциала.

Проведенная экспериментальная работа показала, что при изучении стилей воспитания в группе родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, зафиксированы деструктивные моменты в воспитательном процессе, а именно потворствующая гиперпротекция, доминирующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости сопровождении данных категорий семей дифференцированными специалистами.

На основе теоретического анализа и эмпирических данных исследования, нами была разработана модель сопровождения семей с негармоничным типом воспитания детей с ОВЗ. Практические результаты исследования могут быть полезны в социально-педагогической работе специалистов с семьями, воспитывающими детей с ОВЗ и испытывающими трудности в адаптации в социуме. Также результаты нашего исследования могут быть использованы в разработке блоков рабочих программ дисциплин для подготовки специалистов, деятельность которых связана с сопровождением нарушением развития.

Список литературы

- Альшаева, О. А. (2024). Особенности развития младших школьников с задержкой психического развития. *Управление развитием образования*, 3, 108–113.
- Атаджанян, Е. Г. (2024). Психолого-педагогическая диагностика детей раннего возраста с нарушениями слуха. В *Научный форум. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции* (с. 271–273). Наука и Просвещение.
- Бахтина, С. В., Антонова, О. В., и Розина, А. В. (2023). Особенности психических процессов у детей с задержкой психического развития. *Наукосфера*, 11–2, 107–110.
- Верник, И. С., и Круглова, Е. Е. (2025). *Воспитательный потенциал родительства: Монография*. Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений.
- Выготский, Л. С. (2022). *Основы дефектологии*. Юрайт.
- Гагай, В. В., Берестовая, А. Ф., Киселева, Т. Г., и Рогунова, Ю. В. (2021). Зависимость типа взаимодействия родителей и детей с ограниченными возможностями здоровья от уровня родительской компетентности. *Мир науки. Педагогика и психология*, 9(5), 23.
- Демидова, А. П., Зиновьева, В. Н., и Слыш, Н. К. (2020). Особенности речевого развития детей с тяжелыми нарушениями речи. *Проблемы современного педагогического образования*, 68–3, 73–75.
- Дружба, О. В., Хан, Р. С., и Тихиня, П. А. (2023). Особенности восприятия различных форматов образовательного контента: проблемы эффективности. *Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология*, 6(5), 64–72. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-5-64-72>
- Манахова, В. С., и Желвакова, О. М. (2024). Психические состояния и личностные свойства детей с речевой патологией. В *Ломоносов. Сборник статей XI Международного конкурса молодых учёных* (с. 188–192). Наука и Просвещение.
- Ишинова, В. А., и Тхоржевская, Л. В. (2021). Методика изучения особенностей психологического состояния подростков, страдающих сколиозом и детским церебральным параличом. *Восточно-европейский научный журнал*, 9–3 (73), 37–46.
- Киселева, Т. Г., и Рогунова, Ю. В. (2022). Психологические особенности детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с интеллектуальными нарушениями. *Мир науки. Педагогика и психология*, 10(2), 19.

Кисова, В. В., и Воробьева, А. В. (2023). Исследование психолого-педагогической культуры родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. *Проблемы современного педагогического образования*, 78–3, 128–130.

Коротаева, А. И. (2020). Психолого-педагогические особенности семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. *Проблемы современного педагогического образования*, 68–2, 428–431.

Маль, Г. С. (2020). Особенности личности детей с ограниченными возможностями здоровья. *Коллекция гуманитарных исследований*, 2, 20–25.

Мартынова, Е. Ю., Султанова, А. Н., Иоаниди, Д. К., Сычева, Т. Ю., Мехтиева, А. В., и Ханаев, А. Л. (2022). Особенности эмоционального статуса у детей с нарушением опорно-двигательного аппарата в гендерном аспекте. *Развитие человека в современном мире*, 2, 42–53.

Маслова, Л. А., и Агавелян, О. К. (2023). Признаки проявления депрессии и тревожности у подростков с легкой умственной отсталостью. *День дефектологии*, 1, 87–94.

Матвеева, Н. В., и Карандаева, Т. А. (2021). Особенности мыслительной деятельности детей с нарушениями зрения. В *Психологическое знание в контексте современности: теория и практика. Сборник научных статей по материалам XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции* (с. 202–205). ООО ИПФ «СТРИНГ».

Махина, А. М., и Колотушкина, Г. Н. (2020). Осложнённое поведение детей и подростков с нарушениями слуха как психолого-педагогическая проблема. *Электронный научный журнал*, 1, 46–51.

Павлова, О. С. (2020). Исследование особенностей психологического благополучия личности подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата. *Высшее образование сегодня*, 12, 64–67.

Пыханова, И. В. (2022). Умственная отсталость как один из видов дизонтогенеза. *Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*, 2(14–2), 109–113.

Савина, Т. А. (2022). Психолого-педагогические особенности развития детей с нарушением зрения. *Научный альманах*, 3–3, 40–44.

Седова, Е. О., Гарданова, Ж. Р., Токмакова, Е. С., Чернов, Д. Н., и Андреева, В. О. (2021). Особенности переживания чувства вины родителями детей с ограниченными возможностями здоровья. *Репродуктивное здоровье детей и подростков*, 17(3), 94–103.

Тарадай, Ю. М., и Кудрявцев, В. А. (2020). Дезадаптивные стили семейного воспитания, как фактор буллинговой и моббинговой виктимности. *Проблемы современного педагогического образования*, 69–1, 361–363.

Эйдемиллер, Э. Г., и Юстицкис, В. В. (2008). *Психология и психотерапия семьи*. Питер.

Шарипова, Л. Х. (2021). Клинико-анамнестическая оценка факторов риска глазной патологии у детей. *Новый день в медицине*, 3, 314–317.

Шишкова, А. М., Бочаров, В. В., и Черная, Ю. С. (2022). Оценка психометрических показателей методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» (родительско-детский вариант). *Сибирский психологический журнал*, 83, 141–163.

Bujnowska, A. M., Rodríguez, C., García, T., Areces, D., & Marsh, N. V. (2021). Coping with stress in parents of children with developmental disabilities. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 21(3), 100254.

Clauser, P., Ding, Y., Chen, E. C., Cho, S. J., Wang, C., & Hwang, J. (2021). Parenting styles, parenting stress, and behavioral outcomes in children with autism. *School Psychology International*, 42(1), 33–56.

Koštić, L., Wagner Jakab, A., & Löw, A. (2024). Parenting styles and behaviours towards typically developing children and children with developmental disabilities. *Hrvatska Revija Za Rehabilitacijska Istrazivanja*, 60(1), 92–118.

Martin Ginis, K. A., van der Ploeg, H. P., Foster, C., et al. (2021). Participation of people living with disabilities in physical activity: A global perspective. *Lancet*, 398(10298), 443–455. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)01164-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)01164-8)

Šćepanović, M. N., & Nikolić, S. J. (2020). Inclusive education of children with disabilities in the online environment. *Exceptional Children: Education and Treatment*, 2(3), 275–288.

Sit, C., Aubert, S., Carty, C., Silva, D. A. S., López-Gil, J. F., Asunta, P., Palad, Y., Guisihan, R., Lee, J., Arbour-Nicitopoulos, K. P., Vanderloo, L. M., Stanish, H., Haegele, J., Urbański, P. K., Pozeriene, J., Hutzler, Y., & Ng, K. (2022). Promoting physical activity among children and adolescents with disabilities: The translation of policy to practice internationally. *Journal of Physical Activity and Health*, 19(11), 758–768.

Finardi, G., Paleari, F. G., & Fincham, F. D. (2022). Parenting a child with learning disabilities: Mothers' self-forgiveness, well-being, and parental behaviors. *Journal of Child and Family Studies*, 31(9), 2454–2471.

References

Alshaeva, O. A. (2024). Features of development of junior schoolchildren with mental retardation. *Management of educational development*, 3, 108–113. (In Russ.)

Atajanyan, E. G. (2024). Psychological and pedagogical diagnostics of young children with hearing impairment. In *Scientific forum. Collection of articles of VIII International scientific-practical conference* (pp. 271–273). Science and

Enlightenment. (In Russ.)

Bakhtina, S. V., Antonova, O. V., & Rozinova, A. V. (2023). Features of mental processes in children with mental retardation. *Naukosphere*, 11–2, 107–110. (In Russ.)

Bujnowska, A. M., Rodríguez, C., García, T., Areces, D., & Marsh, N. V. (2021). Coping with stress in parents of children with developmental disabilities. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 21(3), 100254.

Clauser, P., Ding, Y., Chen, E. C., Cho, S. J., Wang, C., & Hwang, J. (2021). Parenting styles, parenting stress, and behavioral outcomes in children with autism. *School Psychology International*, 42(1), 33–56.

Demidova, A. P., Zinovieva, V. N., & Slysh, N. K. (2020). Features of speech development of children with severe speech disorders. *Problems of modern pedagogical education*, 68–3, 73–75. (In Russ.)

Druzhba, O. V., Khan, R. S., & Tikhinya, P. A. (2023). Perceptual features of different educational content formats: problems of effectiveness. *Innovative science: Psychology. Pedagogy. Defectology*, 6(5), 64–72. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-5-64-72>

Eidemiller, E. G., & Justickis, V. V. (2008). *Psychology and psychotherapy of the family*. Piter. (In Russ.)

Finardi, G., Paleari, F. G., & Fincham, F. D. (2022). Parenting a child with learning disabilities: Mothers' self-forgiveness, well-being, and parental behaviors. *Journal of Child and Family Studies*, 31(9), 2454–2471.

Gagai, V. V., Berestovaya, A. F., Kiseleva, T. G., & Rogunova, Y. V. (2021). Dependence of the type of interaction between parents and children with disabilities on the level of parental competence. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 9(5), 23. (In Russ.)

Ishinova, V. A., & Thorzhevskaya, L. V. (2021). Methodology for studying the peculiarities of psychological state of adolescents suffering from scoliosis and infantile cerebral palsy. *East European Scientific Journal*, 9–3(73), 37–46. (In Russ.)

Kiseleva, T. G., & Rogunova, Y. V. (2022). Psychological features of child-parent relations in families raising children with intellectual disabilities. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 10(2), 19. (In Russ.)

Kisova, V. V., & Vorobyeva, A. V. (2023). The study of psychological and pedagogical culture of parents raising children with disabilities. *Problems of modern pedagogical education*, 78–3, 128–130. (In Russ.)

Korotaeva, A. I. (2020). Psychological and pedagogical characteristics of families raising children with disabilities. *Problems of modern pedagogical education*, 68–2, 428–431. (In Russ.)

Koštić, L., Wagner Jakab, A., & Löw, A. (2024). Parenting styles and behaviors towards typically developing children and children with developmental disabilities. *Hrvatska Revija Za Rehabilitacijska Istrazivanja*, 60(1), 92–118.

Mal, G. S. (2020). Features of the personality of children with disabilities. *Humanities Research Collection*, 2, 20–25. (In Russ.)

Manakhova, V. S., & Zhelvakova, O. M. (2024). Mental states and personality traits of children with speech pathology. In *Lomonosov. Collection of articles of the XI International competition of young scientists* (pp. 188–192). Science and Enlightenment. (In Russ.)

Martynova, E. Y., Sultanova, A. N., Ioanidi, D. K., Sycheva, T. Y., Mehtieva, A. V., & Khanaev, A. L. (2022). Features of emotional status in children with musculoskeletal disorders in the gender aspect. *Human Development in the Modern World*, 2, 42–53. (In Russ.)

Martin Ginis, K. A., van der Ploeg, H. P., Foster, C., et al. (2021). Participation of people living with disabilities in physical activity: A global perspective. *The Lancet*, 398(10298), 443–455. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)01164-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)01164-8)

Maslova, L. A., & Agavelyan, O. K. (2023). Signs of depression and anxiety in adolescents with mild mental retardation. *Defectology Day*, 1, 87–94. (In Russ.)

Matveeva, N. V., & Karandaeva, T. A. (2021). Features of thinking activity of children with visual impairment. In *Psychological knowledge in the context of modernity: theory and practice. Collection of scientific articles on the materials of XI All-Russian (with international participation) scientific-practical conference* (pp. 202–205). OOO IPF “STRING”. (In Russ.)

Makhina, A. M., & Kolotushkina, G. N. (2020). Complicated behavior of children and adolescents with hearing impairment as a psychological and pedagogical problem. *Electronic scientific journal*, 1, 46–51. (In Russ.)

Pykhanova, I. V. (2022). Mental retardation as one of the types of dysontogenesis. *Bulletin of Student Scientific Society of the State Educational Institution of Higher Professional Education “Donetsk National University”*, 2(14–2), 109–113. (In Russ.)

Pavlova, O. S. (2020). Study of the peculiarities of psychological well-being of the personality of adolescents with musculoskeletal disorders. *Higher Education Today*, 12, 64–67. (In Russ.)

Savina, T. A. (2022). Psychological and pedagogical features of development of children with visual impairment. *Scientific Almanac*, 3–3, 40–44. (In Russ.)

Sedova, E. O., Gardanova, J. R., Tokmakova, E. S., Chernov, D. N., & Andreeva, V. O. (2021). Features of experiencing guilt by parents of children with disabilities. *Reproductive Health of Children and Adolescents*, 17(3), 94–103. (In Russ.)

Šćepanović, M. N., & Nikolić, S. J. (2020). Inclusive education of children with disabilities in the online environment. *Exceptional Children: Education and Treatment*, 2(3), 275–288.

Sharipova, L. H. (2021). Clinical and anamnestic assessment of risk factors of ocular pathology in children. *New Day in Medicine*, 3, 314–317. (In Russ.)

Shishkova, A. M., Bocharov, V. V., & Chernaya, Y. S. (2022). Evaluation of psychometric indices of the technique “Level of emotional burnout of relatives” (parent-child variant). *Siberian Psychological Journal*, 83, 141–163. (In Russ.)

Sit, C., Aubert, S., Carty, C., Silva, D. A. S., López-Gil, J. F., Asunta, P., Palad, Y., Guisihan, R., Lee, J., Arbour-Nicitopoulos, K. P., Vanderloo, L. M., Stanish, H., Haeghele, J., Urbański, P. K., Pozeriene, J., Hutzler, Y., & Ng, K. (2022). Promoting physical activity among children and adolescents with disabilities: The translation of policy to practice internationally. *Journal of Physical Activity and Health*, 19(11), 758–768.

Taraday, Y. M., & Kudryavtsev, V. A. (2020). Disadaptive styles of family upbringing as a factor of bullying and mobbing victimization. *Problems of modern pedagogical education*, 69–1, 361–363. (In Russ.)

Vernik, I. S., & Kruglova, E. E. (2025). *Educational potential of parenting: Monograph*. Publishing and Printing Association of Higher Education Institutions. (In Russ.)

Vygotsky, L. S. (2022). *Fundamentals of defectology*. Yurait. (In Russ.)

Об авторах:

Мария Васильевна Залужная, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальных и спортивных педагогических технологий, факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9148-1148), zaluzhnaya.mari@mail.ru

Елена Александровна Байер, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и спортивных педагогических технологий, факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9148-1148), SPIN-код, elenabaier@list.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Maria Vasilievna Zaluzhnaya, Cand. Sci (Pedagogy), Associate Professor of the Social and Sports Pedagogical Technologies Department, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9148-1148), zaluzhnaya.mari@mail.ru

Elena Aleksandrovna Bayer, Dr. Sci (Pedagogy), Professor, Head of the Social and Sports Pedagogical Technologies Department, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9148-1148), SPIN-code, elenabaier@list.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 15.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 25.02.2025

Принята к публикации / Accepted 14.04.2025

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

УДК 37.012.8

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-31-39>

MZBUUI

Анализ качества жизни как способ оценки детско-родительских отношений

Александр Ю. Соснин

Средняя общеобразовательная школа № 38, г. Озерск, Российская Федерация

✉ alex23.69@mail.ru

Аннотация

Введение. Анализ качества жизни школьников относится к современному эффективному способу диагностики проблем по основным видам функционирования ребенка и может служить ценным инструментом для выявления внутрисемейного неблагополучия.

Цель. Анализ качества жизни подростков с позиции оценки детско-родительских взаимоотношений.

Материалы и методы. Анкетирование проведено с помощью адаптированного опросника качества жизни PEDsQL 4.0 среди 139 подростков, обучающихся в общеобразовательном учреждении, и, соответственно, 139 родителей. Опрос проводился по блокам информации для оценки физического, эмоционального здоровья, социальной и школьной жизни детей. Статистический анализ проводился методами непараметрической статистики.

Результаты исследования. Родители и дети по-разному оценивали шкалы физического, эмоционального здоровья и школьной активности. Свою физическую подготовленность и успешность в учебе подростки оценивали гораздо выше, чем их родители, но баллы по эмоциональному статусу среди школьников оказались значимо ниже, чем по ответам родителей. Распределение по возрасту (в категориях 15, 16, 17 лет) показало значимые различия по баллам в ответах подростков и родителей по тем же параметрам. Оценка шкал с учетом пола школьников также отметила разночтения в подростковых и родительских анкетах по этим блокам. Юноши указывали большее число баллов по физической активности и успешности в учебе, чем их родители. Девушки отметили более высокие баллы по школьной активности, чем их родители, но существенно ниже характеризовали свое эмоциональное состояние, чем на взгляд их родителей. Установлен низкий удельный вес одинаковых ответов в анкетах школьников и их представителей: в характеристике физической деятельности – 72,7 %, социальной активности – 30,2 %, учебных результатов – 18,7 % и лишь 12,2 % совпадений по шкале эмоционального здоровья.

Обсуждение результатов. Анализ качества жизни может рассматриваться как эффективный способ оценки детско-родительских отношений для последующей адресной психолого-педагогической помощи детям.

Ключевые слова: качество жизни, опросники, анкетирование, подростки, детско-родительские отношения, физическое функционирование, социальная активность, эмоциональное функционирование

Для цитирования. Соснин, А. Ю. (2025). Анализ качества жизни как способ оценки детско-родительских отношений. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(2), 31–39. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-31-39>

Original Empirical Research

Quality of Life Analysis as a Way to Assess Child-Parent Relationships

Alexander Y. Sosnin

Secondary General Education School No. 38, Ozersk, Russian Federation

✉ alex23.69@mail.ru

Abstract

Introduction. The analysis of schoolchildren's quality of life refers to a modern effective way of diagnosing problems in the main types of child functioning and can serve as a valuable tool for detecting intrafamily disadvantage.

Objective. Analyze the quality of life of adolescents from the position of assessment of child-parent relationships.

Materials and Methods. A questionnaire survey was conducted using the adapted PEDsQL 4.0 quality of life questionnaire among 139 adolescents studying in a general education institution and, accordingly, 139 parents. The survey was conducted on blocks of information to assess children's physical, emotional health, social, and school life. Statistical analysis was carried out using nonparametric statistics methods.

Results. Parents and children rated the physical, emotional health and school engagement scales differently. Adolescents rated their physical fitness and academic success much higher than their parents, but emotional status scores among schoolchildren were significantly lower than parental responses. The distribution by age (in the categories 15, 16, 17 years old) showed significant differences in the scores of the responses of the adolescents and parents for the same parameters. Evaluation of the scales with regard to the gender of schoolchildren also noted differences in adolescent and parent questionnaires on these blocks. Young men indicated higher scores on physical activity and academic success than their parents. Girls indicated higher scores in school activity than their parents, but significantly lower characterized their emotional state than in the opinion of their parents. A low proportion of identical answers was found in the questionnaires of schoolchildren and their representatives: in characterizing physical activity 72.7%, social activity – 30.2%, academic performance 18.7%, and only 12.2% of coincidence on the scale of emotional health.

Discussions. Quality of life analysis can be considered as an effective way to assess child-parent relations for further targeted psychological and pedagogical assistance to children.

Keywords: quality of life, questionnaires, adolescents, child-parent relations, physical functioning, social activity, emotional functioning

For Citation. Sosnin, A. Y. (2025). Quality of life analysis as a way to assess child-parent relationships. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(2), 31–39. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-31-39>

Введение

Термин «качество жизни» трактуется как «интегральная характеристика физического, психологического, эмоционального и социального функционирования человека, основанного на его субъективном восприятии» (Новик и Ионова, 2007, с. 23). Согласно многолетней практике анализа качества жизни в медицинской сфере данный вид исследования расширяет возможности традиционного анализа состояния здоровья человека и характеризует его внутреннее восприятие картины болезни в контексте собственных ощущений по различным блокам информации: физическим страданиям (Sosnina et al., 2016), спектру и стойкости эмоциональных переживаний (Tran et al., 2024), социализации пациента и успешности его учебной/профессиональной деятельности (Соснина и Окатенко, 2017). Наряду с этим, концепция качества жизни обучающихся получила своё развитие в педагогической практике сравнительно недавно. Позволяя дать индивидуальную характеристику разнообразным сферам жизни школьника, оценка качества жизни применима во многих направлениях деятельности общеобразовательного учреждения, помогая реализовать педагогическое сопровождение обучающихся, скорректировать психологическую помощь детям в условиях школы, акцентировать внимание на социальных аспектах жизнедеятельности школьников. На современном этапе анализ качества жизни входит в число основных критериев диагностики психосоциального благополучия ребенка и считается ценным инструментом для диагностики проблем в его микро-социуме (Соснина, 2011).

В настоящее время в образовательной сфере характеристика качества жизни успешно применяется в исследованиях определенных социально-гигиенических факторов (Потапова и др., 2021), для отслеживания динамики показателей физического и психологического благополучия школьников (Худогонов и др., 2023), активно развивается в педагогических подходах, ориентированных на изучение психологических особенностей обучающихся и реализацию личностного потенциала (Бокуть и др., 2020). Особая роль анализу качества жизни отводится в вопросах детско-родительских взаимоотношений, и, в частности, для оценки условий для развития личности ребенка в данной семье, особенностей восприятия проблем в воспитании, наличия и устойчивости внутрисемейных ценностей (Моложавенко, 2021; Побойкина, 2022). Отношения между детьми и их родителями с педагогической точки зрения представляются в виде важных «предпосылок формирования личностного развития подростка и его социализации, так как в семье закладываются основы норм морали, культуры, традиций и поведения подрастающего поколения» (Кригер и Бахадова, 2019). Становление детско-родительских отношений будет определять дальнейшее формирование человека, в том числе возникновение аддикций и других девиаций (Елисеева и Кригер, 2021). Важность оценки неблагополучия внутрисемейных отношений трудно переоценить, поскольку формирование личности подростка в немалой мере зависит от микроклимата в семье. Вследствие этого раннее выявление противоречий в воспитании подростка, дисгармонии в семейном социуме, разногласий в отношениях «отцов и детей» необходимо в повседневной психолого-педагогической деятельности, для чего целесообразно применять адаптированные для конкретного возраста вопросники качества жизни.

Целью исследования являлся анализ качества жизни подростков, обучающихся образовательной организации в контексте оценки взаимоотношений между школьниками и родителями.

Материалы и методы

Изучение детско-родительских отношений проведено с учетом различных типов функционирования, оцениваемых с помощью адаптированного опросника PEDsQL 4.0 (Varni et al., 2001), специально созданного для тестирования детей 13–18 лет и их представителей. Опросник PEDsQL 4.0 включает 23 вопроса по следующим блокам информации: физическое благополучие (ФизичФ), эмоциональный настрой (ЭмоционФ), социальная активность (СоциалФ) и жизни подростка в школе (ШколЖ). Описывались ощущения за последний месяц по самооценке школьника, «self-report», и его представителем, «проху-report». Самооценка подростком разных видов функционирования сопоставлялась с оценкой качества жизни ребенка, данной родителями. Подсчет ответов проводился с помощью 5-балльной шкалы Ликерта с указанием итоговой величины по каждой шкале, включающей 100-балльный диапазон. В каждой анкете оценивался суммарный балл (СуммБ).

Статистическая обработка данных по анкетированию проведена с использованием программного продукта STATISTICA 10, StatSoft, USA. До проведения сравнительного статистического анализа оценена нормальность распределения количественных признаков критерием Колмогорова–Смирнова. Дескриптивная статистика по блокам информации оформлена в виде медианы баллов (Me) и интерквартильного диапазона [Q25–Q75]. Взаимозависимость количественных показателей в подростковых и родительских версиях изучалась посредством метода ранговой корреляции Спирмена. Критерий Манна-Уитни использовался при парном сравнении групп. Статистически значимыми считался уровень значимости $p < 0,05$.

Результаты исследования

Работа выполнена в образовательной организации – средней школе № 38 г. Озёрска, Челябинской области – в выборке подростков, достигших возраста 15–17 лет, и их родителей. До начала исследования каждый школьник и один из его родителей заполняли лист информированного согласия на участие. В опросе приняли участие 139 подростков: 51,1 % (71) юношей и 48,9 % (68) девушек; и, соответственно, 139 родителей. Критериями исключения из анкетирования относили период обострения хронической патологии у ребенка и наблюдение подростка у психоневролога детской поликлиники и/или школьного психолога. Сравнение показателей качества жизни подростков и их родителей по различным шкалам функционирования представлено в таблице 1. Лидирующее место по количеству баллов занимала шкала социального функционирования, в которой как дети, так и их родители высоко оценили взаимодействие подростков с окружающими и указали на отсутствие выраженных проблем коммуникации. Статистически значимых различий в сравнении детских и родительских анкет по данному виду функционирования не найдено, $p > 0,05$. Наряду с этим, отмечены существенные различия по шкалам физического функционирования и «Жизнь в школе», когда подростки оценивали свою физическую подготовленность и ролевое функционирование в школьном социуме выше, чем их родители, $p < 0,001$.

Таблица 1

Сравнение детских и родительских анкет

Вид функционирования	Группы	Медиана	Интерквартильный размах	Уровень значимости
ФизичФ	Ребенок	84,3	75–91	$p < 0,001$
	Родитель	79,1	69–88*	
ЭмоционФ	Ребенок	62,2	55–80	$p < 0,001$
	Родитель	71,4	60–85*	
СоциалФ	Ребенок	90,7	80–100	0,470
	Родитель	89,8	80–100	
ШколЖ	Ребенок	73,6	60–80	0,032
	Родитель	65,3	55–80**	
СуммБ	Ребенок	77,5	69–85	0,710
	Родитель	77,2	68–85	

Примечание: * – $p < 0,001$; ** – $p < 0,05$, по сравнению с детской самооценкой.

Самое малое количество баллов среди подростков наблюдалось по шкале эмоционального функционирования, при этом оценки по родительским анкетам были выше, сравнение с которыми выявило значимые различия, $p < 0,001$. Согласованность между анкетами детей и родителей была низкой, с коэффициентами корреляции в диапазоне от 0,03 до 0,29. Сопоставление одинаковых ответов в детских и родительских анкетах указало на точное совпадение баллов: при характеристике физического благополучия – в 72,7 % (101 из 139); социальной активности – в 30,2 % (42 из 139); шкалы «Жизнь в школе» – в 18,7 % (26 из 139); эмоционального здоровья – в 12,2 % (17 из 139).

Рассмотрение блоков информации по качеству жизни с учетом возрастных групп между подростками 15, 16 и 17 лет представлена в таблице 2.

При сравнении детских и родительских версий среди подростков разного возраста указанные выше различия в оценке качества жизни подтвердились в большей или меньшей мере. Так, по шкале физического функционирования во всех возрастных группах оценки подростков были значимо выше, чем их родителей: среди пятнадцатилетних уровень значимости $p = 0,017$, среди шестнадцатилетних и семнадцатилетних – $p < 0,001$. Подобная тенденция прослежена при оценке шкалы «Жизнь в школе», в которой дети оценивали свое ролевое функционирование выше, чем родители: среди шестнадцатилетних – $p = 0,031$, среди пятнадцатилетних и семнадцатилетних – $p < 0,001$. Следует заметить, что шкалу «Жизнь в школе» родители оценивали особенно низко для всех категорий возраста подростков относительно других шкал.

Таблица 2

Сравнение детских и родительских анкет среди подростков 15, 16 и 17 лет

Вид функционирования	Группы	15 лет ($n = 47$)	16 лет ($n = 51$)	17 лет ($n = 41$)
ФизичФ	Ребенок	84,2 (78,3–90,5)*	84,4 (75,1–90,4)	84,3 (71,7–90,4)
	Родитель	80,3** (71,9–89,5)	79,3** (65,6–87,5)	78,1** (68,8–88,6)
ЭмоционФ	Ребенок	62,6 (55,2–79,1)	63,1 (55,3–81,1)	61,4 (50,3–76,4)
	Родитель	72,5** (65,4–85,5)	70,7** (55,5–90,1)	71,8** (60,5–81,8)
СоциалФ	Ребенок	90,6 (85,3–96,4)	95,1 (83,4–100)	93,5 (79,5–100)
	Родитель	90,2 (79,3–99,2)	88,7 (85,5–100)	92,1 (75,9–100)
ШколЖ	Ребенок	72,3 (61,3–83,1)	73,4 (60,4–81,3)	73,6 (60,3–79,2)
	Родитель	65,7** (57,3–79,1)	66,7** (55,1–80,5)	64,3** (54,7–82,0)
СуммБ	Ребенок	77,9 (67,4–85,6)	76,8 (70,2–83,6)	77,1 (69,6–86,6)
	Родитель	77,3 (66,8–84,7)	76,4 (68,9–86,7)	77,4 (70,3–85,6)

Примечание: * – медиана и интерквартильный размах (в скобках); ** – значимые различия.

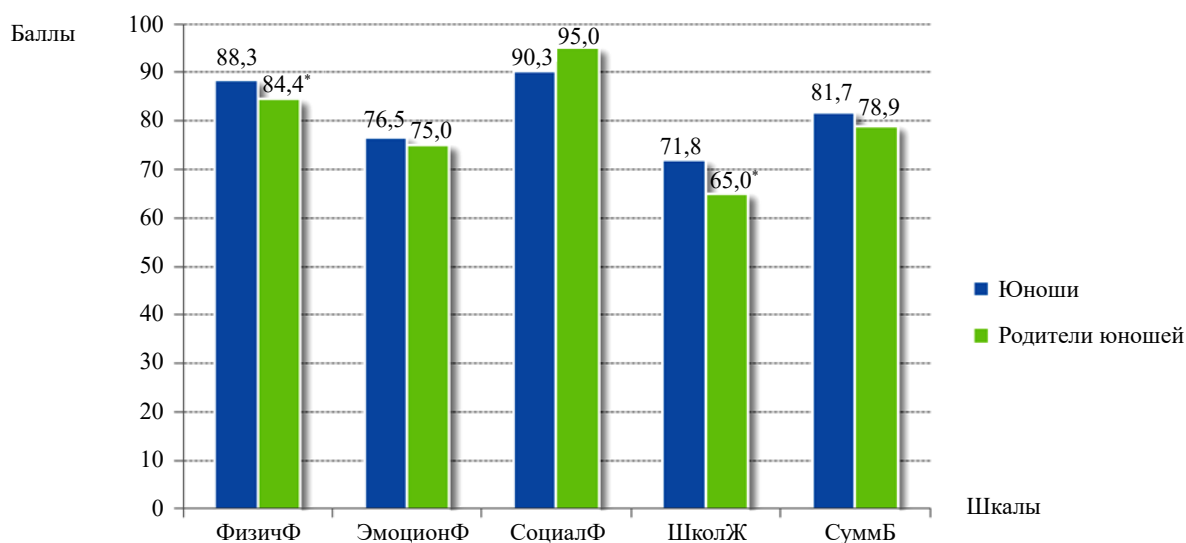
Наиболее выраженные различия между подростками и родителями отмечались по шкале «Эмоциональное функционирование»: среди всех возрастных категорий дети указывали более низкие баллы, $p < 0,001$. Шкала социального функционирования не отметила каких-либо различий между детьми разного возраста и в сравнении с версиями их родителей, $p > 0,05$. Итоговая оценка суммарных баллов также не выявила статистически значимой разницы.

Оценка параметров качества жизни с учетом пола подростков представлена на рисунках 1 и 2. Статистически значимые различия выявлены для физического функционирования юношей (рис. 1), когда подростки оценивали свои спортивные достижения выше, чем по ожиданиям их родителей, $p < 0,001$. Аналогичное сопоставление отмечено при анализе шкалы «Жизнь в школе», в которой юноши считали своё ролевое функционирование лучшим, чем их родители, $p < 0,001$. Сравнительный анализ остальных шкал и суммарных баллов в целом не отметил выраженной разницы детских и родительских анкет, описывающих качество жизни юношей.

Сопоставление оценок качества жизни девушек по анкетам детей и родителей (рис. 2) также указало на шкалу «Жизнь в школе», где более высокие оценки детей не подтвердились ожиданиями их родителей, $p < 0,001$. В то же время оценка эмоционального функционирования была более высокой в родительских версиях, чем по самооценке девушек, описывающих частые состояния повышенной тревожности, грусти и малой стрессоустойчивости, $p < 0,001$.

Рисунок 1

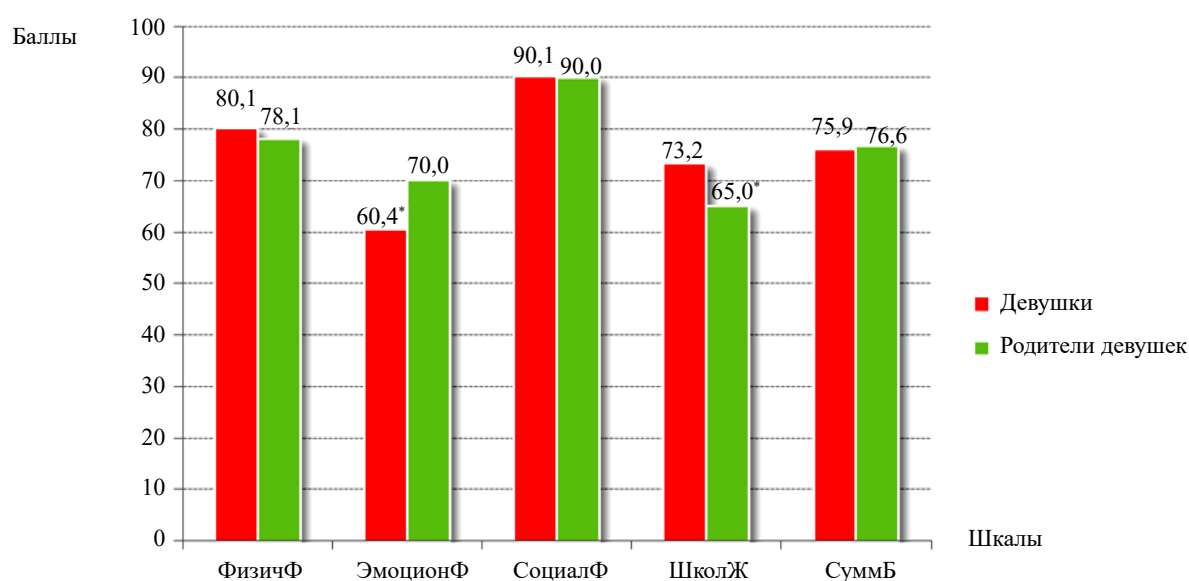
Сравнительный анализ анкет юношей и их родителей

Примечание: * – значимые различия между детскими и родительскими анкетами.

Рисунок 2

Сравнительный анализ анкет девушек их родителей

Примечание: * – значимые различия между детскими и родительскими анкетами.

Обсуждение результатов

Затрагивая все основные виды функционирования, анкетирование по вопросам качества жизни школьника позволяет акцентировать внимание на наиболее показательных расхождениях между подростками и родителями. Так, в результате исследования было установлено существенное расхождение ответов школьников и их представителей по некоторым блокам информации при характеристике физического здоровья подростков, эмоционального благополучия и блока «Жизнь в школе». Важно акцентировать внимание на том, что школьники, как правило, оценивали уровень своей физической подготовки значительно выше, чем их представители. Данное несоответствие может свидетельствовать о чрезмерной уверенности подростков в собственных силах, с другого ракурса – о повышенных требованиях к школьнику со стороны родителей в отношении спортивных результатов. Аналогично, характеристика блока «Жизнь в школе», отражающая адаптацию детей к образовательному процессу, продемонстрировала значимое расхождение мнений: если подростки довольно высоко оценивали свою адаптацию к школьным нагрузкам, то родители были обеспокоены успешностью обучения детей и проблемами образовательной среды. Наиболее яркое несоответствие детских и родительских ответов наблюдалось по шкале

эмоционального функционирования. Подростки выставляли самые низкие баллы по этой шкале, жалуясь на эмоциональную неуравновешенность, повышенную ранимость и тревожность, в то время как родители, как правило, недооценивали уровень эмоциональных переживаний детей.

Отмечен низкий уровень коэффициентов корреляции и малый процент совпадения ответов в подростковых и родительских анкетах, свидетельствующие о разном восприятии проблем, закрытости внутреннего мира подростков и недостатке доверительных отношений в семье. Для параметров физического благополучия подростков, которые относятся к наиболее наглядным критериям и несложным для сторонней оценки, процент одинаковых ответов в сравнении с родительскими анкетами был относительно высоким. В оценке социальной активности детей ответы школьников и их родителей совпали почти на треть. Наиболее низкие пропорции в совпадении баллов наблюдались при характеристике школьной жизни подростков и, что чрезвычайно важно, при описании эмоциональных переживаний детей, когда удельный вес единообразных ответов был наиболее низким. Данные результаты, прежде всего, свидетельствуют о недопонимании родителями глубины эмоциональных переживаний своих детей, возможном несогласии с эмоциональным ответом ребенка на возникшие трудности и/или скрытности подростков в отношении обсуждения своих эмоциональных проблем. Складывается впечатление, что, наряду с высокой социальной активностью школьников, при оценке которой не получено статистически значимых различий с анкетами родителей, внутренний эмоциональный мир подростков остается закрытым для семьи и недоступным для своевременной психологической помощи.

Указание на малую согласованность детских анкет и анкет их представителей, условно называемый феномен «проху-problem», описано целым рядом исследователей качества жизни (Moran et al., 2024; Kiss et al., 2024). Изучение вероятных факторов, влияющих на разногласия между ответами детей и их представителей и усугубляющих «разрыв мнений» поколений, указало на то, что «выраженность внутрисемейных разногласий коррелирует с социальными, психологическими и другими параметрами» (Cremeens et al., 2006; Magdy et al., 2024). Рассмотрение блоков информации по качеству жизни школьников с учетом градаций подросткового возраста подтвердило особенности, выявленные в целом по выборке. Как и во всей выборке подростков, в каждой из этих категорий наблюдались существенные различия между детскими и родительскими анкетами при характеристике физического, эмоционального благополучия и школьной жизни. В подавляющем большинстве подростки более высоко характеризовали свой физический потенциал и образовательные успехи, чем их родители. Однако характеристика эмоционального состояния среди детей во всех градациях возраста оказалась значимо ниже, чем на взгляд их представителей. Следует отметить, что наравне с высокими баллами активности подростка в социуме и отсутствием различий между анкетами детей и родителей по данному информационному блоку, во всех градациях возраста прослеживались более низкие оценки ролевого функционирования подростка в школьном коллективе по ответам родителей. Блок информации о школьной жизни ребенка занимал самое последнее место по количеству баллов в родительских анкетах, что может говорить как о беспокойстве по поводу трудностей образовательной среды, так и о возможной доминанте родителей применительно к образовательному процессу и излишних требований к учебным результатам подростка.

Оценка показателей качества жизни школьников с учетом пола детей продемонстрировала значительные расхождения в следующих информационных блоках. Так, среди юношей наблюдались более высокие баллы при характеристике физической подготовки, чем среди их родителей. Аналогичные итоги были получены при сравнении успешности в школьной среде, когда юноши оценивали свои учебные достижения значимо выше, чем их представители. Среди девушек также отмечались более высокие баллы при оценке школьной жизни, чем на взгляд их родителей, но существенно более низкие баллы при оценке эмоционального функционирования, подтверждая недооценку родителями степени эмоционального дискомфорта дочерей. Аналогичные результаты при оценке качества жизни в зависимости от пола анкетированных описаны в ряде исследований, указывающих на более выраженные эмоциональные переживания, типичные для девочек-подростков (Соснина и Волосников, 2010; Худонов и др., 2023).

Таким образом, анализ детско-родительских отношений посредством адаптированного опросника указал на большие разногласия в ответах по разным видам функционирования подростков. Несомненно, качество жизни подростков, главным образом, связано с внутрисемейным эмоциональным климатом, социальным благополучием и различными внешнесредовыми факторами (Волосников и Соснина, 2010; Соснина и Сокольников, 2019). По итогам анкетирования наиболее важной представляется эмоциональная поддержка детей внутри семьи, внимание к их спортивным и учебным достижениям и активная помощь в преодолении трудностей в образовательном процессе.

Заключение. Проведенный в общеобразовательном учреждении анализ качества жизни позволил провести адресную работу с каждым ребенком, подобрать индивидуальную программу для лучшей адаптации детей к сложностям образовательной среды, совместно со школьным психологом обсудить эмоциональные проблемы и приобщить родителей к нормализации микросоциума подростков. Исследование качества жизни подростков в контексте детско-родительских отношений обнаружило следующие особенности:

1. Наиболее высокие баллы как в детских, так и в родительских анкетах получены при оценке социального функционирования подростков, что характеризует высокий уровень коммуникаций школьников в социуме.

2. Характеристика физического благополучия и успешности школьной жизни подростков указала на значимо более высокие баллы в анкетах детей, чем их представителей.

3. Блок информации об эмоциональных переживаниях школьники оценивали значимо ниже, чем их представители, что может свидетельствовать о дефиците доверительных внутрисемейных отношений и преуменьшении родителями степени нарушения эмоционального здоровья подростков.

4. По всем шкалам, кроме физического функционирования, отмечены низкие проценты совпадений ответов детей и родителей.

5. Сравнение оценок качества жизни с учетом возраста и пола детей подтвердило указанные выше разногласия между ответами подростков и их родителей.

Таким образом, анкетирование школьников по блокам информации о качестве жизни в сравнении с ответами их представителей позволяет выявить неблагополучие ребенка в различных аспектах жизни и диагностировать критический уровень внутрисемейных разногласий, что в дальнейшем помогает выработать стратегию индивидуального развития ребенка и провести психолого-педагогическую коррекцию. Оценка качества жизни с помощью адаптированных опросников может служить действенным способом выявления проблем в детско-родительских отношениях. Анализ внутрисемейных разногласий по вопросам качества жизни ребенка важен в педагогической практике для разработки индивидуальных программ, что является необходимым аспектом работы не только классных руководителей, но и преподавателей-предметников.

Список литературы

Бокуть, Е. Л., Комарова, О. Н., Рассказова, А. Л., и Решетникова, О. В. (2020). Самоотношение и атрибутивные схемы локус-контроля как составляющие личностного потенциала. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*, 4(53), 6–16. <https://doi.org/10.26456/vtspyped/2020.4.006>

Волосников, Д. К., и Соснина, С. Ф. (2010). Медико-социальная характеристика семей, проживающих в закрытом административно-территориальном образовании (г. Озерск), имеющих детей подросткового возраста. *Социология медицины*, 2(17), 59–61.

Елисеева, М. И., и Кригер, Е. Э. (2021). Особенности детско-родительских отношений среди подростков, имеющих зависимость от онлайн-игр. *Психолого-педагогические исследования*, 13(3), 51–67.

Кригер, Е. Э., и Бахадова, Е. В. (2019). Ценности детско-родительских отношений девиантных подростков. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, 1, 157–167.

Моложавенко, В. Л. (2021). Формирование у подростков позитивных детско-родительских отношений через совместную детско-отцовскую деятельность. *Современное педагогическое образование*, 3, 107–113.

Новик, А. А., и Ионова, Т. И. (2007). *Руководство по исследованию качества жизни в медицине*. Олма.

Побойкина, К. Г. (2022). Влияние детско-родительских отношений на успеваемость младших школьников. *Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 1, 142–146.

Потапова, Е. А., Земляной, Д. А., Антонов, А. А., и Щерба, Е. В. (2021). Социально-гигиенические факторы качества жизни юных спортсменов. *Санитарный врач*, 2, 25–36.

Соснина, С. Ф. (2011). *Комплексная оценка состояния здоровья и качества жизни подростков закрытого административно-территориального образования (на примере г. Озёрска)* [канд. дисс.]. ЧГМА.

Соснина, С. Ф., и Волосников, Д. К. (2010). Гендерные аспекты качества жизни подростков. *Проблемы женского здоровья*, 5(2), 42–45.

Соснина, С. Ф., и Окатенко, П. В. (2017). Неинфекционная патология у детей работников предприятия атомной промышленности. *Медицинский академический журнал*, 17(3), 68–76.

Соснина, С. Ф., и Сокольников, М. Э. (2019). Наследуемые эффекты у потомков, связанные с вредным воздействием на родителей. *Радиационная гигиена*, 12(3), 84–95. <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2019-12-3-84-95>

Худоногов, И. Ю., Певнева, М. В., и Ляшенко, К. Н. (2023). Гендерные особенности динамики качества жизни и личностной тревожности спортсменов-подростков (по результатам занятий в школе здоровья). *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 15(2), 195–220.

Creameens, J., Eiser, C., & Blades, M. (2006). Factors influencing agreement between child self-report and parent proxy-reports on the Pediatric Quality of Life Inventory™ 4.0 (PedsQL™) generic core scales. *Health and Quality of Life Outcomes*, 4, 58. <https://doi.org/10.1186/1477-7525-4-58>

Kiss, E., de Oliveira, O. R., Wittmann, E., Herczegh, Z., & Kapornai, K. (2024). The effect of psychological and behavioral problems on the quality of life of children and adolescents based on self-reports and proxy reports. *Health and Quality of Life Outcomes*, 22(1), 84. <https://doi.org/10.1186/s12955-024-02299-y>

Magdy, R., Hassan, A., Mohammed, Z., Abdeltwab, M. A., Ghaffar, N. F. A., & Hussein, M. (2024). Validity and reliability of Arabic version of pediatric migraine disability assessment scale (Child Self-Report versus Parent Proxy-Report): a multi-center study. *The Journal of Headache and Pain*, 25(1), 15. <https://doi.org/10.1186/s10194-024-01713-6>

Moran, R. N., Haller, M., Louis, M., Guin, J. R., & Allen, J. (2024). Level of agreement between child and parent reporting on the child sport concussion assessment tool (SCAT5). *Journal of Athletic Training*, 59(2), 137–144. <https://doi.org/10.4085/1062-6050-0629.22>

Sosnina, S. F., Kabirova, N. R., Sokolnikov, M. E., & Okatenko, P. V. (2016). Hemoblastoses in offspring of radiation-hazardous industries workers. *Health Risk Analysis*, 4, 20–26. <https://doi.org/10.21668/health.risk/2016.4.03.eng>

Tran Thi, T., Lin, C., & Huang, M. (2024). Agreement between quality of life assessed using family proxy and child self-reports among children with hematologic malignancy. *European Journal of Pediatrics*, 183(8), 3377–3388. <https://doi.org/10.1007/s00431-024-05613-4>

Varni, J. W., Seid, M., & Kurtin, P. S. (2001). PedsQL 4.0: reliability and validity of the Pediatric Quality of Life Inventory version 4.0 generic core scales in healthy and patient populations. *Medical Care*, 39(8), 800–812. <https://doi.org/10.1097/00005650-200108000-00006>

References

Bokut, E. L., Komarova, O. N., Rasskazova, A. L., & Reshetnikova, O. V. (2020). Self-relationship and attributional locus-control schemes as components of personal potential. *Vestnik of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*, 4(53), 6–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.26456/vtspyped/2020.4.006>

Cremeens, J., Eiser, C., & Blades, M. (2006). Factors influencing agreement between child self-report and parent proxy-reports on the Pediatric Quality of Life Inventory™ 4.0 (PedsQL™) generic core scales. *Health and Quality of Life Outcomes*, 4, 58. <https://doi.org/10.1186/1477-7525-4-58>

Eliseeva, M. I., & Krieger, E. E. (2021). Features of child-parent relations among adolescents with addiction to online games. *Psychological and pedagogical research*, 13(3), 51–67. (In Russ.)

Khudonogov, I. Y., Pevneva, M. V., & Lyashenko, K. N. (2023). Gender peculiarities of the dynamics of quality of life and personal anxiety of adolescent athletes (based on the results of classes in the school of health). *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 15(2), 195–220. (In Russ.)

Kiss, E., de Oliveira, O. R., Wittmann, E., Herczegh, Z., & Kapornai, K. (2024). The effect of psychological and behavioral problems on the quality of life of children and adolescents based on self-reports and proxy reports. *Health and Quality of Life Outcomes*, 22(1), 84. <https://doi.org/10.1186/s12955-024-02299-y>

Krieger, E. E., & Bakhadova, E. V. (2019). Values of child-parent relationships of deviant adolescents. *Vestnik RSUH. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, 1, 157–167. (In Russ.)

Molozhavenko, V. L. (2021). Formation of positive child-parent relations in adolescents through joint child-paternal activity. *Modern pedagogical education*, 3, 107–113. (In Russ.)

Magdy, R., Hassan, A., Mohammed, Z., Abdeltwab, M. A., Ghaffar, N. F. A., & Hussein, M. (2024). Validity and reliability of Arabic version of pediatric migraine disability assessment scale (Child Self-Report versus Parent Proxy-Report): a multi-center study. *The Journal of Headache and Pain*, 25(1), 15. <https://doi.org/10.1186/s10194-024-01713-6>

Moran, R. N., Haller, M., Louis, M., Guin, J. R., & Allen, J. (2024). Level of agreement between child and parent reporting on the child sport concussion assessment tool (SCAT5). *Journal of Athletic Training*, 59(2), 137–144. <https://doi.org/10.4085/1062-6050-0629.22>

Novik, A. A., & Ionova, T. I. (2007). *Handbook of quality of life research in medicine*. Olma. (In Russ.)

Poboykina, K. G. (2022). The influence of child-parent relationships on the academic performance of junior school-children. *Proceedings of the Bratsk State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 1, 142–146. (In Russ.)

Potapova, E. A., Zemlyanoy, D. A., Antonov, A. A., & Shcherba, E. V. (2021). Socio-hygienic factors of quality of life of young athletes. *Sanitary Doctor*, 2, 25–36. (In Russ.)

Sosnina, S. F. (2011). *Complex assessment of health status and quality of life of adolescents of the closed administrative-territorial formation (on the example of Ozyorsk)* [Cand. dissertation]. CHGMA. (In Russ.)

Sosnina, S. F., & Volosnikov, D. K. (2010). Gender aspects of adolescents' quality of life. *Problems of women's health*, 5(2), 42–45. (In Russ.)

Sosnina, S. F., & Okatenko, P. V. (2017). Non-infectious pathology in children of female workers of nuclear industry enterprise. *Medical Academic Journal*, 17(3), 68–76. (In Russ.)

Sosnina, S. F., & Sokolnikov, M. E. (2019). Inherited effects in offspring associated with harmful parental exposure. *Radiation Hygiene*, 12(3), 84–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2019-12-3-84-95>

Sosnina, S. F., Kabirova, N. R., Sokolnikov, M. E., & Okatenko, P. V. (2016). Hemoblastoses in offspring of radiation-hazardous industries workers. *Health Risk Analysis*, 4, 20–26. <https://doi.org/10.21668/health.risk/2016.4.03.eng>

Tran Thi, T., Lin, C., & Huang, M. (2024). Agreement between quality of life assessed using family proxy and child self-reports among children with hematologic malignancy. *European Journal of Pediatrics*, 183(8), 3377–3388. <https://doi.org/10.1007/s00431-024-05613-4>

Varni, J. W., Seid, M., & Kurtin, P. S. (2001). PedsQL 4.0: reliability and validity of the Pediatric Quality of Life Inventory version 4.0 generic core scales in healthy and patient populations. *Medical Care*, 39(8), 800–812. <https://doi.org/10.1097/00005650-200108000-00006>

Volosnikov, D. K., & Sosnina, S. F. (2010). Medico-social characteristics of families living in a closed administrative-territorial formation (Ozersk) with adolescent children. *Sociology of Medicine*, 2(17), 59–61. (In Russ.)

Об авторе:

Соснин Александр Юрьевич, преподаватель-организатор основ безопасности и защиты Родины, МБОУ средняя общеобразовательная школа № 38 (Российская Федерация, 456780 г. Озерск, ул. Октябрьская, 2), [ORCID](#), alex23.69@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Sosnin Alexander Yuryevich, teacher-organizer of the basics of security and defense of the Motherland, Municipal Budget Educational Institution secondary comprehensive school № 38 (2, Oktyabrskaya St., Ozersk, 456780, Russian Federation), [ORCID](#), alex23.69@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 01.12.2024

Поступила после рецензирования / Reviewed 17.01.2025

Принята к публикации / Accepted 14.04.2025

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

УДК 159.923

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-40-50>

Оригинальное эмпирическое исследование

SYNIII

Особенности взаимосвязи психологического благополучия и социальной тревожности у медицинских работников

Татьяна П. Маралова

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация

✉ tmaralova@inbox.ru

Аннотация

Введение. Актуальность проблемы обусловлена значимостью изучения факторов, влияющих на уровень психологического благополучия людей. Анализ существующих исследований показал, что психологическое благополучие медицинских работников обратно взаимосвязано с их социальной тревожностью. Однако характер этой связи нередко выпадает из поля зрения исследователей.

Цель. Выявление особенностей взаимосвязи психологического благополучия и социальной тревожности у медицинских работников.

Материалы и методы. В исследовании приняло участие 50 медицинских работников одного из медицинских учреждений г. Череповца Вологодской области. Основу выборки составил средний медицинский персонал. В качестве диагностического инструментария использовался опросник К. Рифф на выявление уровней психологического благополучия (адаптация Т. Д. Шевеленковой и П. П. Фесенко) и опросник социальной тревожности О. Н. Сагалаковой и Д. В. Труевцева. Обработка результатов проводилась с применением методов корреляционного анализа (вычислялся линейный коэффициент корреляции Пирсона) и регрессионного анализа.

Результаты исследования. На основе корреляционного анализа была выявлена отрицательная взаимосвязь психологического благополучия и социальной тревожности. Чем выше уровень психологического благополучия, тем ниже уровень социальной тревожности и наоборот. Результаты регрессионного анализа показали, что желание справиться с тревогой и избавиться от нерешительности отрицательно влияет на автономию личности, а тревожность в ситуациях инициативного общения отрицательно влияет на способность управлять средой. В свою очередь, низкий уровень автономии личности как показателя психологического благополучия оказывает влияние на все виды социальной тревожности.

Обсуждение результатов. В ходе дискуссии делается вывод о том, что представленные результаты подтверждают имеющиеся в психологии сведения об отрицательной связи социальной тревоги с психологическим благополучием. С другой стороны, получены новые данные об особенностях взаимного влияния этих личностных образований друг на друга. Основной вывод, который следует из проведенного исследования, состоит в том, что социальную тревогу можно значительно снизить, если повысить уровень автономности личности, то есть сформировать у нее субъектные качества. Полученные результаты могут быть полезны администрации медицинских учреждений в работе с сотрудниками, в частности, со средним медицинским персоналом.

Ключевые слова: психологическое благополучие, автономия личности, субъектность личности, социальная тревожность, медицинские работники

Для цитирования. Маралова, Т. П. (2025). Особенности взаимосвязи психологического благополучия и социальной тревожности у медицинских работников. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(2), 40–50. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-40-50>

Features of The Relationship Between Psychological Well-Being and Social Anxiety in Medical Workers

Tatiana P. Maralova

Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

✉ tmalova@inbox.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the problem is due to the significance of studying the factors affecting the level of psychological well-being of people. The analysis of existing studies has shown that the psychological well-being of medical workers is inversely correlated with their social anxiety. However, the nature of this relationship is often overlooked by researchers.

Objective. To identify the peculiarities of the relationship between psychological well-being and social anxiety in medical workers.

Materials and Methods. The study involved 50 medical workers of one of the medical institutions of Cherepovets, Vologda Oblast. The basis of the sample was the average medical personnel. The diagnostic tools used were the K. Rieff questionnaire to identify the levels of psychological well-being (adapted by T. D. Shevelenkova and P. P. Fesenko) and the questionnaire of social anxiety by O. N. Sagalakova and D. V. Truevtsev. The results were processed using the methods of correlation analysis (Pearson linear correlation coefficient was calculated) and regression analysis.

Results. On the basis of correlation analysis, a negative relationship between psychological well-being and social anxiety was revealed. The higher the level of psychological well-being, the lower the level of social anxiety and vice versa. The results of regression analysis showed that the desire to cope with anxiety and get rid of indecisiveness negatively affects the autonomy of personality, and anxiety in situations of initiative communication negatively affects the ability to manage the environment. In turn, the low level of personality autonomy as an indicator of psychological well-being influences all types of social anxiety.

Discussion. In the course of the discussion it is concluded that the presented results confirm the information available in psychology about the negative relationship between social anxiety and psychological well-being. On the other hand, new data on the peculiarities of mutual influence of these personality formations on each other have been obtained. The main conclusion that follows from the study is that social anxiety can be significantly reduced if the level of autonomy of the individual is increased, i.e. subjective qualities are formed. The obtained results can be useful for the administration of medical institutions in the work with employees, in particular, with nursing staff.

Keywords: psychological well-being, personality autonomy, personality subjectivity, social anxiety, medical workers

For Citation. Maralova, T. P. (2025). Features of the relationship between psychological well-being and social anxiety in medical workers. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(2), 40–50. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-2-40-50>

Введение

Профессия медицинского работника носит социономический, то есть помогающий характер. Она предполагает работу с людьми, которые нередко страдают серьезными заболеваниями, что требует от медицинского персонала повышенной внимательности, заботливого отношения и эмпатического понимания пациентов. Следовательно, данная профессия связана с повышенными эмоциональными и психологическими нагрузками, а также стрессовыми ситуациями. Не случайно именно медицинские работники чаще всего подвержены эмоциональному выгоранию (Семенова и др., 2017). В связи с этим особое значение приобретает проблема эмоциональной устойчивости и психологического благополучия медицинских работников.

Одним из первых на существование феномена психологического благополучия обратил внимание Н. Бредберн (Bradburn, 1969), который связывал его с доминированием положительных эмоций над отрицательными в структуре личности, фактически отождествляя его со счастьем. В последующем это понятие было конкретизировано К. Рифф, которая выделила в нем такие составляющие, как отношение к другим, автономия, управление окружением, личностный рост, цели в жизни и самопринятие (Ryff & Keyes, 1995). Наряду с понятием психологического благополучия употребляется понятие субъективного благополучия, которое связывается с уровнем удовлетворенности человеком своей жизнью (Diner, 1984). Нередко они используются как синонимы.

В современной психологии имеется большое число работ, в которых исследуется психологическое благополучие на разных возрастных этапах развития, а также у представителей самых различных профессий. Не составляют исключения и медицинские работники. Например, Абдуллаева (2020) изучала особенности психологического благополучия врачей в разной организационной среде: в коммерческих и бюджетных медицинских организациях. В результате установлено, что уровень психологического благополучия может снижаться организационной среде любого типа, различными будут только причины эмоционального выгорания и истощения, приводящие к снижению психологического благополучия. В то же время исследование Бжоян и Кудинова (2021), проведенное на

выборке медицинских работников, осуществляющих деятельность в условиях повышенного риска (экстренные службы), и не подверженных потенциально опасным влияниям, показало, что для медиков первой категории характерен более низкий уровень психологического благополучия. Если обратиться к зарубежным исследованиям психологического благополучия медицинских работников, то можно обнаружить значительное число работ, в которых предпринимается попытка выявить и описать факторы, влияющие на его уровень у врачей и среднего медицинского персонала. В частности, Ф. С. Джохари и Р. Омар в качестве таких факторов называют профессиональный стресс, внешнее профессиональное признание, возможность карьерного роста, вовлеченность в работу, планирование и оплату труда, эмоциональные требования к работе, психологический капитал, эмоциональные и когнитивные ресурсы работы, подлинное лидерство, поддержку семьи и др. (Johari & Omar, 2019).

Особое внимание исследователей привлечено к изучению влияния на психологическое благополучие факторов, которые создают трудности в осуществлении профессиональных обязанностей. Сюда, прежде всего, можно отнести различного рода эпидемии, например, небезызвестную COVID-19. Зарубежные исследования показывают (De Kock et al., 2021), что COVID-19 оказывает значительное отрицательное влияние на психологическое благополучие персонала больницы первой линии, особенно это касается медицинских сестер. Кроме того, в качестве факторов риска, снижающих уровень психологического благополучия, выступили пол (женский), беспокойство о своей семье, страх заражения, отсутствие средств индивидуальной защиты, тесный контакт с больными COVID-19. Аналогичные исследования были проведены в России. В частности, С. С. Петриков с соавторами установили, что во время эпидемии COVID-19 многие медицинские работники испытывали выраженные симптомы эмоционального выгорания, депрессии, повышенной тревожности, а также страх заражения, чувство одиночества и изоляции, физический дискомфорт и коммуникативные трудности (Петриков и др., 2020).

Социальная тревога может усиливаться не только в результате выполнения медицинским работником прямых функций, но и под влиянием второстепенных факторов. Интересное исследование в этом плане было проведено А. Маджид с коллегами (Majid et al., 2020), которые изучали влияние интернет-зависимости на отвлечение пакистанских медсестер от выполнения основных производственных задач. Результаты исследования подтвердили, что зависимость от сайтов социальных сетей приводит к отвлечению от производственных задач, которое еще больше усиливается завистью и возрастающей социальной тревожностью среди медсестер.

Одним из факторов, оказывающих влияние на снижение психологического благополучия, является социальная тревожность. Под термином «социальная тревожность» понимается «тревожность, триггером которой выступают разного рода ситуации социального взаимодействия» (Никитина и Холмогорова, 2010, с. 80). В ее основе лежит страх негативной оценки со стороны других людей. Степень социальной тревожности варьируется от легкой застенчивости до социальной фобии. Исследования, проведенные на контингенте студентов медицинских специальностей (Герасимова и др., 2021), показало, что уже на первом курсе около 30 % студентов имеют повышенный и средний уровень социальной тревоги. По другим данным, этот процент еще выше и составляет 52 % (Утюж и др., 2016). Аналогичные результаты получены при диагностике практикующих врачей и среднего медицинского персонала. Так, в исследовании Н. Альхарты, осуществленном в медицинских учреждениях Саудовской Аравии, было установлено, что тревожное расстройство средней и легкой степени тяжести было выявлено у 20,7 % и 23,7 % испытуемых соответственно (Alharthy et al., 2017). Тяжелое тревожное расстройство было обнаружено у 7,6 % респондентов.

В психологии предпринимаются также попытки выявить взаимосвязь психологического благополучия и социальной тревожности у специалистов медицинских профессий. Например, целью исследования Ю. Чжу с соавторами было изучить, влияют ли тревога и депрессия на взаимосвязь между качеством сна и субъективным благополучием у студентов-медиков из Китая (Zhu Y. et al., 2023). В результате было установлено, что качество сна положительно коррелирует с субъективным благополучием, и эта взаимосвязь была полностью опосредована тревогой и депрессией. В другом исследовании, осуществленном М. Перстлинг с соавторами на выборке студентов-медиков и фармацевтов из Намибии, проверялась гипотеза о наличии взаимосвязи между психологическим благополучием, субъективным благополучием и социальной тревожностью (Perstling et al., 2018). Авторы констатировали наличие прямой взаимосвязи психологического и субъективного благополучия друг с другом и обратной их связи с социальной тревожностью. Что касается практикующих врачей и другого медицинского персонала, то большинство исследований посвящено выявлению особенностей влияния неблагоприятных факторов, в частности COVID-19, на снижение уровня психологического благополучия и повышение уровня социальной тревожности. Сошлемся здесь лишь на одно исследование, проведенное М. Новилла с соавторами в США. В нем на большой выборке медицинских работников подтверждается, что COVID-19 существенно повлиял на ухудшение психологического благополучия медицинских работников, что выражалось в усилении эмоционального выгорания, тревоги и депрессии, а также в снижении жизнестойкости и самоофективности (Novilla et al., 2023).

Таким образом, на основе имеющихся исследований можно сделать вывод о том, что социальная тревожность и психологическое благополучие у медицинских работников связаны обратной зависимостью. Чем ниже уровень социальной тревожности, тем выше уровень психологического благополучия. И, наоборот, повышение уровня социальной тревожности приводит к снижению уровня психологического благополучия. В то же время характер

этой связи нередко выпадает из поля зрения исследователей. Закономерно возникает вопрос, оказывают ли влияние психологическое благополучие и социальная тревожность друг на друга? Если оказывают, то какой фактор является ведущим: психологическое благополучие или социальная тревожность?

Необходимость ответа на эти вопросы и определила **цель** настоящего исследования – выявить особенности взаимосвязи и взаимовлияния социальной тревожности и психологического благополучия у медицинских работников. Проверялась *гипотеза* о том, что имеет место не только взаимосвязь, но и взаимное влияние указанных психологических факторов друг на друга, то есть социальная тревога влияет на психологическое благополучие, а психологическое благополучие оказывает влияние на социальную тревогу.

Материалы и методы

В качестве диагностического инструментария использовался опросник К. Рифф на выявление уровней психологического благополучия в адаптации Шевеленковой и Фесенко (2005) и опросник социальной тревожности Сагалаковой и Труевцева (2012). *Опросник психологического благополучия* К. Рифф включает в себя 84 утверждения, которые представлены в шести шкалах: автономия, управление окружением, положительное отношение к другим, цели в жизни, личностный рост и самопринятие. Испытуемым предлагается оценить предлагаемые утверждения в шестибальной шкале: от полностью не согласен – 1 балл, до полностью согласен – 6 баллов. Полученные по каждой шкале суммарные баллы переводились в шкалу стенов. За высокие показатели благополучия принимались баллы, равные 8–10, средние – 5–7, низкие – 4 балла и ниже. *Опросник социальной тревоги и социофобии* О. Н. Сагалаковой и Д. В. Труевцева состоит из 29 вопросов, которые группируются в пять шкал:

- 1) «Социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением»;
- 2) «Постситуативные руминации (руминация – буквально пережевывание, многократное проигрывание в голове тревожной ситуации) и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях»;
- 3) «Сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях»;
- 4) «Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля»;
- 5) «Избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях».

Испытуемым предлагалось выразить свое согласие или несогласие с утверждениями теста. За ответ «нет» ставился 1 балл, за ответ «скорее нет» – 2 балла, за ответ «скорее да» – 3 балла, за ответ «да» – 4 балла. По каждому виду социальной тревоги баллы суммировались. Затем, согласно рекомендациям авторов, эти баллы переводились в шкалу стенов. За высокий уровень выраженности признака принимались стеновые баллы от 8 до 10, за средний уровень – от 5 до 7 баллов, за низкий – 4 балла и ниже.

Обработка результатов проводилась с применением методов корреляционного (использовался линейный коэффициент корреляции Пирсона) и регрессионного анализа.

Результаты исследования

В исследовании приняли участие 50 медицинских работников ряда отделений одной из больниц г. Череповца Вологодской области в возрасте от 25 до 50 лет преимущественно женского пола, основу выборки составили медицинские сестры. Рассмотрим основные результаты исследования. Данные по уровням выраженности психологического благополучия у медицинских работников отражены в таблице 1.

Таблица 1

Уровни психологического благополучия медицинских работников

Показатели психологического благополучия		Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Всего:
Положительное отношение к другим людям	<i>n</i>	8	24	18	50
	%	16	48	36	100
Автономия	<i>n</i>	19	16	15	50
	%	38	32	30	100
Управление окружением	<i>n</i>	6	25	19	50
	%	12	50	38	100
Личностный рост	<i>n</i>	9	22	19	50
	%	18	44	38	100
Цели в жизни	<i>n</i>	5	25	20	50
	%	10	50	40	100
Самопринятие	<i>n</i>	7	29	14	50
	%	14	58	28	100
Обобщенный показатель психологического благополучия	<i>n</i>	10	21	19	50
	%	20	42	38	100

Как видно из таблицы 1, высокий уровень психологического благополучия обнаружен всего у 20 % испытуемых (10 чел.), у 42 % (21 чел.) выявлен средний уровень и у 38 % (19 чел.) – низкий уровень. У большей доли респондентов выраженным на высоком уровне оказался такой параметр психологического благополучия, как автономия (38 % или 19 чел.). Менее других выражены самопринятие (14 % или 7 чел.), управление окружением (12 % или 6 чел.) и цели в жизни (10 % или 5 чел.). В показателе «автономия» находит наиболее полное отражение феномен субъектности личности, что проявляется в способности к проявлениям инициативы, самостоятельности и независимости. В нашем случае у 70 % медицинских работников он находится на высоком или среднем уровне. Гораздо большее опасение вызывают такие показатели, как принятие себя, цели в жизни и управление окружением, которые выражены гораздо ниже.

Обратимся аналогичным образом к краткому анализу уровней социальной тревожности медицинских работников (таблица 2).

Таблица 2

Уровни социальной тревожности у медицинских работников

Показатели социальной тревожности		Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Всего:
Социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением» (шкала 1)	<i>n</i>	21	22	7	50
	%	42	44	14	100
Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях (шкала 2)	<i>n</i>	4	24	22	50
	%	8	48	44	100
Сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях (шкала 3)	<i>n</i>	3	40	7	50
	%	6	80	14	100
Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля (шкала 4)	<i>n</i>	28	15	7	50
	%	56	30	14	100
Избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях (шкала 5)	<i>n</i>	15	29	6	50
	%	30	58	12	100
Обобщенный показатель социальной тревожности	<i>n</i>	12	27	11	50
	%	24	54	22	100

Из таблицы 2 хорошо видно, что в целом высокий уровень социальной тревожности обнаружен у 24 % (12 чел.) медицинских работников, средний – у 54 % (27 чел.) и низкий – у 22 % (11 чел.). Если посмотреть по конкретным ситуациям, которые способны вызвать социальную тревогу, то здесь на первое место выдвигается социальная тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля (высокий уровень – 56 % или 28 чел.) и социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением» (высокий уровень – 42 % или 21 чел.). Гораздо реже встречается высокий уровень проявления социальной тревожности при проявлении инициативы в формальных ситуациях (высокий уровень – 6 % или 3 чел.) и тревожности, связанной со стремлением преодолеть свою нерешительность (высокий уровень – 8 % или 4 чел.). Социальная тревога, связанная с избеганием непосредственных контактов в процессе взаимодействия занимает промежуточное положение (высокий уровень – 30 % или 15 чел.).

Обратимся непосредственно к проблеме выявления взаимосвязи психологического благополучия и социальной тревожности медицинских работников. В таблице 3 приведены результаты корреляционного анализа.

Как видно из таблицы 3, получен массив отрицательных коэффициентов корреляции психологического благополучия с социальной тревожностью у медицинских работников. Практически все коэффициенты корреляции, за редким исключением, оказались статистически значимы на уровне $p \leq 0,01$ или $p \leq 0,001$. Это позволяет сделать общий вывод о том, что психологическое благополучие достоверно отрицательно связано с социальной тревожностью. То есть чем выше уровень психологического благополучия, тем ниже уровень социальной тревоги ($r = -0,58$, при $p \leq 0,001$), и наоборот. Наиболее тесная отрицательная связь обнаружена между общим индексом социальной тревожности и такими параметрами психологического благополучия, как «автономия» ($r = -0,69$, при $p \leq 0,001$), «управление средой» ($r = -0,61$, при $p \leq 0,001$) и «самопринятие» ($r = -0,58$, при $p \leq 0,001$). В свою очередь, общий индекс психологического благополучия наиболее тесно отрицательно связан и такими видами социальной тревожности, как «тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях» ($r = -0,55$, при

$p \leq 0,001$), «избегание непосредственного контакта при взаимодействии» ($r = -0,53$, при $p \leq 0,001$) и «постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях» ($r = -0,53$, при $p \leq 0,001$).

Таблица 3

Матрица корреляций психологического благополучия и социальной тревожности у медицинских работников

Показатели благополучия	Социальная тревожность					
	Шкала 1	Шкала 2	Шкала 3	Шкала 4	Шкала 5	Общий показатель тревожности
Положительное отношение к людям	-0,31*	-0,44**	-0,41**	-0,49***	-0,48***	-0,50***
Автономия	-0,53***	-0,66***	-0,56***	-0,61***	-0,64***	-0,69***
Управление средой	-0,42**	-0,53***	-0,41**	-0,59***	-0,51***	-0,61***
Личностный рост	-0,26	-0,38**	-0,25	-0,42**	-0,37**	-0,42**
Цели в жизни	-0,33*	-0,38**	-0,39**	-0,50***	-0,44***	-0,49***
Самопринятие	-0,41**	-0,51***	-0,42**	-0,54***	-0,49***	-0,58***
Общий показатель психологического благополучия	-0,36**	-0,53***	-0,45***	-0,55***	-0,53***	-0,58***

Примечание: названия шкал 1–5 приведены в таблице 2; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Что касается взаимосвязей отдельных показателей благополучия с отдельными показателями социальной тревоги, то наибольший отрицательный коэффициент корреляции выявлен между автономией и шкалой 5 (тревога, связанная с избеганием непосредственных контактов с другими людьми, которые представляют для личности угрозу) – $r = -0,64$, при $p \leq 0,001$, а наименьший отрицательный коэффициент выявлен между личностным ростом и шкалой 3 (сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения) – $r = -0,25$, статистически не значим.

Далее закономерно был поставлен вопрос о том, что оказывает преимущественное влияние: социальная тревожность на психологическое благополучие или психологическое благополучие на проявления социальной тревожности? С целью ответа на него нами был осуществлен регрессионный анализ. На первом этапе была предпринята попытка проследить влияние общего показателя социальной тревожности на общий показатель психологического благополучия и наоборот – влияние общего показателя психологического благополучия на общий показатель социальной тревожности.

Изучение влияния общего показателя социальной тревожности на общий показатель психологического благополучия дало следующие результаты:

$$R^2 = 0,34, F(1, 48) = 24,73, p = 0,000, \beta = -0,93, p = 0,000. \quad (1)$$

Таким образом, социальная тревожность оказывает статистически значимое отрицательное влияние на психологическое благополучие. Аналогичным образом проанализируем влияние психологического благополучия на социальную тревожность. В результате также была получена статистически значимая регрессионная модель:

$$R^2 = 0,34, F(1, 48) = 24,73, p = 0,000, \beta = -0,37, p = 0,000. \quad (2)$$

Следовательно, и психологическое благополучие оказывает отрицательное влияние на социальную тревожность.

На втором этапе была предпринята попытка конкретизировать эту выявленную закономерность о взаимном влиянии благополучия и тревожности друг на друга. Иными словами, мы пытались ответить на вопрос, какие конкретно показатели социальной тревожности и психологического благополучия оказывают влияние друг на друга. Относительно влияния показателей социальной тревожности на параметры психологического благополучия были получены две статистически значимые модели:

1) стремление совладать с тревогой и избавиться от нерешительности (шкала 2) отрицательно влияет на автономию:

$$R^2 = 0,49, F(5, 44) = 8,45, p = 0,000, \beta = -0,60, p = 0,03; \quad (3)$$

2) тревога в ситуациях проявления инициативы в общении с незнакомыми людьми (шкала 4) отрицательно влияет на управление средой:

$$R^2 = 0,39, F(5, 44) = 5,61, p = 0,000, \beta = -0,68, p = 0,05. \quad (4)$$

Что касается влияния параметров психологического благополучия на проявления социальной тревожности, то здесь было выявлено пять статистически значимых моделей, но в качестве ведущего фактора психологического

благополучия, оказывающего влияние на все шкалы социальной тревожности, выступил только один – автономия. Были получены следующие модели:

1) отрицательное влияние автономии на социальную тревогу в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением»:

$$R^2 = 0,36, F(6, 43) = 3,98, p = 0,003, \beta = -0,63, p = 0,005; \quad (5)$$

2) отрицательное влияние автономии на постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях:

$$R^2 = 0,5, F(6, 43) = 7,05, p = 0,000, \beta = -0,65, p = 0,000; \quad (6)$$

3) отрицательное влияние автономии на сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения:

$$R^2 = 0,42, F(6, 43) = 5,13, p = 0,000, \beta = -0,39, p = 0,000; \quad (7)$$

4) отрицательное влияние автономии на тревогу при проявлениях инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля:

$$R^2 = 0,44, F(6, 43) = 5,69, p = 0,000, \beta = -0,48, p = 0,04; \quad (8)$$

5) отрицательное влияние автономии на избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях:

$$R^2 = 0,39, F(6, 43) = 6,27, p = 0,000, \beta = -0,50, p = 0,000. \quad (9)$$

Обсуждение результатов

По результатам изучения психологического благополучия респондентов, в обобщенном виде перед нами предстает медицинский работник, который в целом пытается стать субъектом своей жизнедеятельности, но для полного счастья ему не хватает «любви к себе» (самопринятие), способности оказывать влияние на окружение и реализовать в полной мере собственные жизненные цели. Из факторов социальной тревоги на психологическое благополучие оказывают влияние два фактора: тревога, связанная с необходимостью «быть в центре внимания» влияет на автономию, а тревога, связанная с желанием преодолеть нерешительность, влияет на управление средой. Из факторов психологического благополучия только автономия оказывает существенное влияние на проявление всех видов социальной тревожности. Учитывая эти результаты, можно сделать вывод о том, что ведущую роль в возникновении у медицинских работников социальной тревоги играет уровень автономности личности. Чем он ниже, тем более выраженным будет стремление личности отрицательно эмоционально реагировать в значимых ситуациях, связанных с взаимодействием с другими людьми. Повышение уровня автономности или, по-другому, субъектности личности будет способствовать снижению тревоги и приобретению уверенности. Все остальные параметры психологического благополучия, вероятно, имеют определенное значение для возникновения социальной тревоги, но это значение не имеет решающего характера.

Различные аспекты проблематики социальной тревожности и психологического благополучия у медицинских работников, в частности у медицинских сестер, активно обсуждаются в современной психологии. Значительная часть исследований посвящена выявлению факторов, которые обуславливают тот или иной уровень психологического благополучия. Установлено, что в качестве таких факторов могут выступать самооценка и удовлетворенность работой (Liu et al., 2017), уровень социальной поддержки (Miao et al., 2024), самоэффективность и надежда (Liu et al., 2018), положительные эмоции, которые повышают уровень удовлетворенности работой (Gurková et al., 2012), забота о других людях и жизнестойкость (Zhao et al., 2016). Подавление положительных эмоций приводит к повышению уровня тревожности и стресса, отрицательно сказывается на психологическом благополучии (Katana et al., 2019). Выявлено также, что социальная тревожность отрицательно коррелирует с психологическим благополучием (Perstling et al., 2018). Полученные в настоящем исследовании результаты полностью подтверждают имеющиеся данные относительно обратной связи социальной тревожности и психологического благополучия, и частично подтверждают гипотезу об отрицательном влиянии тревожности и стресса на психологическое благополучие (Truskauskaite et al., 2024). В то же время, согласно полученным нами данным, наиболее тесная связь и взаимное влияние обнаруживается между автономией личности и всеми показателями социальной тревоги.

В современных психологических исследованиях мы нашли две различные трактовки возможной связи автономии с социальной тревогой. Чаще всего отмечается, что низкий уровень автономии приводит к повышению социальной тревожности. Например, в исследовании М. Чжоу (Zhou, 2016) было установлено, что социальная тревожность студентов, связанная с боязнью публичных выступлений, существенно снижала ощущение автономности личности. В то же время известны случаи, когда автономия оказывалась положительно связанной с социальной тревогой. Но это происходит только в тех случаях, когда автономия приобретает гипертрофированный характер, что проявляется в сочетании выраженного стремления к независимости с отсутствием заботы о других людях (Sato et al., 2004). Из контекста данного исследования понятно, что такая автономия теряет статус показателя психологического благополучия личности. Следует также отметить, что в ряде исследований предпри-

нимается попытка выделить факторы, которые одновременно оказывают положительное влияние на повышение уровня личностной автономии и снижают социальную тревогу. Установлено, что важную роль в этом процессе оказывает реальная поддержка со стороны ближайшего окружения (Akbaýb & Aktaş, 2021).

Заключение. Опираясь на имеющиеся в науке данные и результаты, полученные в настоящем исследовании, можно сделать предположение о том, что мероприятия, направленные на снижение социальной тревожности, будут оказывать влияние на психологическое благополучие, но такое влияние будет носить достаточно ограниченный характер. По всей видимости, гораздо больший эффект могут оказать меры, направленные на повышение уровня субъектности личности, что органически связано с повышением ее самооценки, уверенности в себе, способности держать инициативу в своих руках, то есть всего того, что составляет сердцевину автономности личности.

В качестве **ограничения** настоящего исследования следует признать малочисленность выборки, которую составили медицинские работники только одного учреждения, преимущественно женского пола, являющиеся представителями среднего медицинского персонала. Поэтому сделанные здесь выводы, носят предварительный характер. Они дают возможность сформулировать гипотезу о роли автономии личности в эмоционально-личностном развитии человека, в частности, в развитии его способности справляться с тревогой и стрессами. Эта гипотеза нуждается в проверке на более широкой выборке испытуемых с учетом профессии, пола и возраста, что является задачей будущих исследований. В полной мере это касается и медицинских работников.

В заключение необходимо отметить, что выдвинутая гипотеза в целом нашла свое подтверждение. Опираясь на результаты проведенного эмпирического исследования, можно сделать следующие выводы:

1) На основе корреляционного анализа установлено, что социальная тревожность и все ее виды отрицательно связаны с психологическим благополучием и конкретными его показателями.

2) В результате регрессионного анализа было выявлено, что такая разновидность социальной тревожности, как желание справиться с тревогой и избавиться от нерешительности, влияет на автономию личности, а тревожность в ситуациях необходимости инициативного общения с незнакомыми людьми резко снижает ощущение личности в том, что она способна управлять ситуацией. В свою очередь, выявлен лишь один показатель психологического благополучия, а именно автономия, который оказывает влияние на все проявления социальной тревоги. При высоком уровне автономии человек, как правило, лишь эпизодически переживает тревожные состояния, при низком же уровне тревога проявляется на всех уровнях взаимодействия с другими людьми.

3) Основной вывод, который следует из проведенного исследования состоит в том, что тревогу можно значительно снизить, если повысить уровень автономности, то есть независимости личности, сформировав у нее субъектные качества. Полученные результаты могут быть полезны администрации медицинских учреждений в работе с сотрудниками, в частности, со средним медицинским персоналом.

Список литературы

Абдуллаева, М. М. (2020). Особенности психологического благополучия врачей в разной организационной среде. В *Экспсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития* (С. 189–193). Университетская книга. <https://doi.org/10.24411/9999-044A-2020-00043>

Бжоян, Е., и Кудинов, С. С. (2021). Психологическое благополучие медицинских работников, работающих в условиях повышенного риска. В *Приверженность вопросам психического здоровья* (С. 128–133). Российский университет дружбы народов.

Герасимова, О. Ю., Семченко, Л. Н., и Батуева, С. В. (2021). Социальная тревожность и совладающее поведение у студентов первого курса медицинского университета. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*, 5, 59–64. <http://dx.doi.org/10.37882/2500-3682.2021.05.10>

Никитина, И. В., и Холмогорова, А. Б. (2010). Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 1. *Социальная и клиническая психиатрия*, 20(1), 80–85.

Петриков, С. С., Холмогорова, А. Б., Суроегина, А. Ю., Микита, О. Ю., Рой, А. П., и Рахманина, А. А. (2020). Профессиональное выгорание, симптомы эмоционального неблагополучия и дистресса у медицинских работников во время эпидемии COVID-19. *Консультативная психология и психотерапия*, 28(2), 8–45. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280202>

Сагалакова, О. А., и Труевцев, Д. В. (2012). Опросник социальной тревоги и социофобии. *Медицинская психология в России*, 4(15).

Семенова, Н. В., Вяльцин, А. С., Авдеев, Д. Б., Кузюкова, А. В., и Мартынова, Т. С. (2017). Эмоциональное выгорание у медицинских работников. *Современные проблемы науки и образования*, 2, 37–37.

Утюж, А. С., Юмашев, А. В., и Нефедова, И. В. (2016). Анализ состояния тревожности у студентов медицинского университета. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 3–6, 89–92.

Шевеленкова, Т. Д., и Фесенко, П. П. (2005). Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования). *Психологическая диагностика*, 3, 95–129.

Akbaý, S. E., & Aktaş, M. (2021). Multiple mediation of self-esteem, perception of social self-efficacy, and social anxiety in the relationship between peer support and autonomy in adolescents. *Education Quarterly Reviews*, 4(4). <https://doi.org/10.31014/aior.1993.04.04.367>

- Alharthy, N., Alrajeh, O. A., Almutairi, M., & Alhajri, A. (2017). Assessment of anxiety level of emergency health-care workers by generalized anxiety disorder-7 tool. *International Journal of Applied & Basic Medical Research*, 7(3), 150–154. <https://doi.org/10.4103/2229-516x.212963>
- Bradburn, N. M. (1969). *The structure of psychological wellbeing*. Aldine.
- De Kock, J. H., Latham, H. A., Leslie, S. J., Grindle, M., Munoz, S. A., Ellis, L., Polson, R., & O'Malley, C. M. (2021). A rapid review of the impact of COVID-19 on the mental health of healthcare workers: implications for supporting psychological well-being. *BMC Public Health*, 21(1), 104. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-10070-3>
- Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>
- Gurková, E., Čáp, J., Žiaková, K., & Ďurišková, M. (2012). Job satisfaction and emotional subjective well-being among Slovak nurses. *International nursing review*, 59(1), 94–100. <https://doi.org/10.1111/j.1466-7657.2011.00922.x>
- Johari, F. S., & Omar, R. (2019). Exploring factors impacting on psychological well-being of health care workers. *International Journal of academic research in business and social sciences*, 9(2), 5672–5684. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v9-i2/5711>
- Katana, M., Röcke, C., Spain, S. M., & Allemand, M. (2019). Emotion regulation, subjective well-being, and perceived stress in daily life of geriatric nurses. *Frontiers in Psychology*, 10, 1097. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01097>
- Liu, H., Zhang, X., Chang, R., & Wang, W. (2017). A research regarding the relationship among intensive care nurses' self-esteem, job satisfaction and subjective well-being. *International Journal of Nursing Sciences*, 4(3), 291–295. <https://doi.org/10.1016/j.ijnss.2017.06.008>
- Liu, R., Zeng, P., & Quan, P. (2018). The role of hope and self-efficacy on nurses' subjective well-being. *Asian Social Science*, 14(4), 18. <https://doi.org/10.5539/ass.v14n4p18>
- Majid, A., Yasir, M., Javed, A., & Ali, P. (2020). From envy to social anxiety and rumination: How social media site addiction triggers task distraction amongst nurses. *Journal of nursing management*, 28(3), 504–513. <https://doi.org/10.1111/jonm.12948>
- Miao, C., Liu, C., Zhou, Y., Chung, J. W. Y., Zou, X., Tan, W., Ma, Y., Luo, Q., Chen, J., & Wong, T. K. S. (2024). Latent profiles of nurses' subjective well-being and its association with social support and professional self-concept. *Nursing Open*, 11(3), e2146. <https://doi.org/10.1002/nop2.2146>
- Novilla, M. L. B., Moxley, V. B. A., Hanson, C. L., Redelfs, A. H., Glenn, J., Donoso Naranjo, P. G., Smith, J. M. S., Novilla, L. K. B., Stone, S., & Lafitaga, R. (2023). COVID-19 and psychosocial well-being: did covid-19 worsen us frontline healthcare workers' burnout, anxiety, and depression? *International journal of environmental research and public health*, 20(5), 4414. <https://doi.org/10.3390/ijerph20054414>
- Perstling, M., Nepolo, E., Udjombala, N., Nyarango, P., Karuaihe, M., & Hunter, C. J. (2018). Subjective well-being, psychological well-being and anxiety symptoms of medical and pharmacy students in Namibia. *International Science and Technology Journal of Namibia*, 10, 94–107.
- Ryff, C. D., & Keyes, C. L. M. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(4), 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
- Sato, T., McCann, D., & Ferguson-Isaac, C. (2004). Sociotropy-Autonomy and Situation-Specific Anxiety. *Psychological Reports*, 94(1), 67–76. <https://doi.org/10.2466/pr0.94.1.67-76>
- Truskauskaitė, I., Dumarkaitė, A., Nomeikaite, A., Andersson, G., & Kazlauskas, E. (2024). Longitudinal interplay between subjective stress, anxiety, depression, and well-being in internet-based stress recovery intervention for nurses. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, 1–10. <https://doi.org/10.1017/S1352465824000456>
- Zhao, F., Guo, Y., Suhonen, R., & Leino-Kilpi, H. (2016). Subjective well-being and its association with peer caring and resilience among nursing vs medical students: A questionnaire study. *Nurse Education Today*, 37, 108–113. <https://doi.org/10.1016/j.nedt.2015.11.019>
- Zhou, M. (2016). The roles of social anxiety, autonomy, and learning orientation in second language learning: A structural equation modeling analysis. *System*, 63, 89–100. <https://doi.org/10.1016/j.system.2016.09.001>
- Zhu, Y., Meng, R., Jiang, C., Yang, N., Huang, M., Wang, X., Zou, W., Lou, C., Xiao, R., Lu, J., Xu, J., Jiménez-Correa, U., Ma, H., Spruyt, K., & Dzierzewski, J. M. (2023). Sleep quality and subjective well-being in healthcare students: examining the role of anxiety and depression. *Frontiers in Public Health*, 11, 1281571. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1281571>

References

- Akbay, S. E., & Aktaş, M. (2021). Multiple mediation of self-esteem, perception of social self-efficacy, and social anxiety in the relationship between peer support and autonomy in adolescents. *Education Quarterly Reviews*, 4(4). <https://doi.org/10.31014/aior.1993.04.04.367>
- Alharthy, N., Alrajeh, O. A., Almutairi, M., & Alhajri, A. (2017). Assessment of anxiety level of emergency health-care workers by generalized anxiety disorder-7 tool. *International Journal of Applied & Basic Medical Research*, 7(3), 150–154. <https://doi.org/10.4103/2229-516x.212963>

- Abdullaeva, M. M. (2020). Features of psychological well-being of doctors in different organizational environment. In *Ecopsychological research-6: Ecology of childhood and psychology of sustainable development* (pp. 189–193). University Book. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/9999-044A-2020-00043>
- Brzhoyan, E., & Kudinov, S. S. (2021). Psychological well-being of health care workers working in high-risk settings. In *Commitment to mental health issues* (pp. 128–133). Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ.)
- Bradburn, N. M. (1969). *The structure of psychological wellbeing*. Aldine.
- De Kock, J. H., Latham, H. A., Leslie, S. J., Grindle, M., Munoz, S. A., Ellis, L., Polson, R., & O'Malley, C. M. (2021). A rapid review of the impact of COVID-19 on the mental health of healthcare workers: implications for supporting psychological well-being. *BMC Public Health*, 21(1), 104. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-10070-3>
- Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>
- Gerasimova, O. Y., Semchenko, L. N., & Batueva, S. V. (2021). Social anxiety and coping behavior in first-year medical university students. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition*, 5, 59–64. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.37882/2500-3682.2021.05.10>
- Gurková, E., Čáp, J., Žiaková, K., & Ďurišková, M. (2012). Job satisfaction and emotional subjective well-being among Slovak nurses. *International nursing review*, 59(1), 94–100. <https://doi.org/10.1111/j.1466-7657.2011.00922.x>
- Johari, F. S., & Omar, R. (2019). Exploring factors impacting on psychological well-being of health care workers. *International Journal of academic research in business and social sciences*, 9(2), 5672–5684. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v9-i2/5711>
- Katana, M., Röcke, C., Spain, S. M., & Allemand, M. (2019). Emotion regulation, subjective well-being, and perceived stress in daily life of geriatric nurses. *Frontiers in Psychology*, 10, 1097. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01097>
- Liu, H., Zhang, X., Chang, R., & Wang, W. (2017). A research regarding the relationship among intensive care nurses' self-esteem, job satisfaction and subjective well-being. *International Journal of Nursing Sciences*, 4(3), 291–295. <https://doi.org/10.1016/j.ijnss.2017.06.008>
- Liu, R., Zeng, P., & Quan, P. (2018). The role of hope and self-efficacy on nurses' subjective well-being. *Asian Social Science*, 14(4), 18. <https://doi.org/10.5539/ass.v14n4p18>
- Majid, A., Yasir, M., Javed, A., & Ali, P. (2020). From envy to social anxiety and rumination: How social media site addiction triggers task distraction amongst nurses. *Journal of nursing management*, 28(3), 504–513. <https://doi.org/10.1111/jonm.12948>
- Miao, C., Liu, C., Zhou, Y., Chung, J. W. Y., Zou, X., Tan, W., Ma, Y., Luo, Q., Chen, J., & Wong, T. K. S. (2024). Latent profiles of nurses' subjective well-being and its association with social support and professional self-concept. *Nursing Open*, 11(3), e2146. <https://doi.org/10.1002/nop2.2146>
- Novilla, M. L. B., Moxley, V. B. A., Hanson, C. L., Redelfs, A. H., Glenn, J., Donoso Naranjo, P. G., Smith, J. M. S., Novilla, L. K. B., Stone, S., & Lafitaga, R. (2023). COVID-19 and psychosocial well-being: did covid-19 worsen us frontline healthcare workers' burnout, anxiety, and depression? *International journal of environmental research and public health*, 20(5), 4414. <https://doi.org/10.3390/ijerph20054414>
- Nikitina, I. V., & Holmogorova, A. B. (2010). Social anxiety: the content of the concept and the main directions of study. Part 1. *Social and Clinical Psychiatry*, 20(1), 80–85. (In Russ.)
- Perstling, M., Nepolo, E., Udjombala, N., Nyarango, P., Karuaihe, M., & Hunter, C. J. (2018). Subjective well-being, psychological well-being and anxiety symptoms of medical and pharmacy students in Namibia. *International Science and Technology Journal of Namibia*, 10, 94–107.
- Petrikov, S. S., Kholmogorova, A. B., Suroegina, A. Y., Mikita, O. Y., Roy, A. P., & Rakhmanina, A. A. (2020). Occupational burnout, emotional distress and distress symptoms in health care workers during the COVID-19 epidemic. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 28(2), 8–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280202>
- Ryff, C. D., & Keyes, C. L. M. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(4), 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
- Sagalakova, O. A., & Truevtsev, D. V. (2012). Social anxiety and sociophobia questionnaire. *Medical Psychology in Russia*, 4(15). (In Russ.)
- Semenova, N. V., Vyaltzin, A. S., Avdeev, D. B., Kuzyukova, A. V., & Martynova, T. S. (2017). Emotional burnout in medical workers. *Sovremennye Problems of Science and Education*, 2, 37–37. (In Russ.)
- Sato, T., McCann, D., & Ferguson-Isaac, C. (2004). Sociotropy-Autonomy and Situation-Specific Anxiety. *Psychological Reports*, 94(1), 67–76. <https://doi.org/10.2466/pr0.94.1.67-76>
- Shevelenkova, T. D., & Fesenko, P. P. (2005). Psychological well-being of personality (review of basic concepts and research methodology). *Psychological Diagnostics*, 3, 95–129. (In Russ.)
- Truskauskaitė, I., Dumarkaitė, A., Nomeikaite, A., Andersson, G., & Kazlauskas, E. (2024). Longitudinal interplay between subjective stress, anxiety, depression, and well-being in internet-based stress recovery intervention for nurses. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, 1–10. <https://doi.org/10.1017/S1352465824000456>
- Utyuzh, A. S., Yumashev, A. V., & Nefedova, I. V. (2016). Analysis of the state of anxiety in students of a medical university. *Actual problems of humanities and natural sciences*, 3–6, 89–92. (In Russ.)

Zhao, F., Guo, Y., Suhonen, R., & Leino-Kilpi, H. (2016). Subjective well-being and its association with peer caring and resilience among nursing vs medical students: A questionnaire study. *Nurse Education Today*, 37, 108–113. <https://doi.org/10.1016/j.nedt.2015.11.019>

Zhou, M. (2016). The roles of social anxiety, autonomy, and learning orientation in second language learning: A structural equation modeling analysis. *System*, 63, 89–100. <https://doi.org/10.1016/j.system.2016.09.001>

Zhu, Y., Meng, R., Jiang, C., Yang, N., Huang, M., Wang, X., Zou, W., Lou, C., Xiao, R., Lu, J., Xu, J., Jiménez-Correa, U., Ma, H., Spruyt, K., & Dzierzewski, J. M. (2023). Sleep quality and subjective well-being in healthcare students: examining the role of anxiety and depression. *Frontiers in Public Health*, 11, 1281571. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1281571>

Об авторе:

Татьяна Петровна Маралова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр-т Луначарского, 5), [ORCID](#), [SPIN-код](#), tmaraova@inbox.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Tatiana Petrovna Maralova, Cand. Sci (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of Psychology Department, Cherepovets State University (5, Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162600, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), tmaraova@inbox.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 13.02.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 20.04.2025

Принята к публикации / Accepted 25.04.2025